

**Зоя
Кураре**

**Человек
Точка**

Зоя Кураре
Человек Точка

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2013

Кураре З.

Человек Точка / З. Кураре — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,
2013

Между добром и злом, любовью и ненавистью – тонкая грань. Как её безнаказанно разрушить, завоевать абсолютную власть, приумножить капитал, внушить страх мафии и соблазнить чужую жену, знает олигарх по прозвищу Черт. Его сила амбиций способна до основания разрушить привычную жизнь в родном городе.

Содержание

Правильный выбор	5
Закономерность	14
В фонде только девушки	21
Не хлебом единым	27
Первый бал комом	31
Украинские индусы	37
Похмелье, как прозрение	41
Билет в один конец	45
Родственные связи	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Зоя Кураре Человек Точка

Правильный выбор

Самолет тяжело, нервно гудел и периодически, как несмышленный шенок, мерзко повизгивал. Он жаждал взмыть ввысь, чтобы продемонстрировать хозяину виртуозные чудеса пилотажа. Как он умеет восхитительно летать, разрезая безграничное небесное пространство острыми, как бритва, крыльями...

Черт, недовольный поведением собственного воздушного судна, заметно нервничал. Он не курил три года, терпел, дорожил здоровьем, а когда нервное напряжение достигло апогея, сорвался и задымил. Поступил словно школьник, который, тайком от строгой классной руководительницы и ничего не подозревающих родителей, бессовестно курит. Слегка трясущейся рукой Черт поднес сигарету к узким губам, сделал глубокую затяжку, здоровые легкие постепенно заполнились табачным едким дымом. Черт закашлялся. Вулканический кашель, рвущийся наружу из недр его грудной клетки, случайно выдавил из глаз единственную скупую слезу, и она предательски побежала по небритой, породистой щеке. Он сделал еще одну затяжку, организм смирился и больше не протестовал. Кашель прошел, хорошо.

Как хорошо! Черт запрокинул голову и посмотрел в небо. Темные, скорбные облака сгущались над аэродромом. В воздухе запахло надвигающейся грозой. Перезагрузка. Необходимо торопиться! Черт широко расставил руки, как в детстве, чтобы почувствовать силу природы, подзарядиться ее сверхмощной энергетикой жизни. Небесное божественное пространство небрежно перечеркнула молния. Яркая вспышка осветила аэродром. На минуту Черту показалось, что он сам господин Бог, что он способен спасти, если не человечество, то жизнь одного маленького человечка – это точно.

Какова цена жизни?

В лицо дунул злой, безнравственный, колючий ветер, проникая в самое уязвимое место – в душу Черта. Душа Черта, как рудимент, утративший в процессе эволюционного развития истинное предназначение: любить, страдать, сомневаться, сопереживать, помогать ближнему своему и просто плакать. Его душа явных признаков жизни не подавала.

Минута слабости прошла...

Или нет? Прошла, прошла. А может, ее и не существовало вовсе? Зазвонил мобильный...

Черт встрепенулся, он напоминал злобного орла в мистических, старинных, скрипучих, но таких надежных механических часах, которые вне времени и пространства показывают точное время до секунды. Резким, уверенным движением руки Черт достал звонивший мобильный из кармана новой, дорогой, спортивной куртки.

– ...– молчание в трубке означало – он на связи.

– Пора подписать договор, жду вашего подтверждения.

Пауза. Договор шел о жизни. Чужой жизни, а создавалось впечатление, как будто речь шла о продаже автомобиля, загородного дома, недорогой яхты. Черт ясно представил мускулистое, загорелое лицо начальника службы безопасности. Одиннадцать лет назад отличный опер впервые сделал для него маленькую услугу, потом еще одну, и еще... Черт любил профессионалов, поэтому пригласил Пашу Шамана к себе на работу. Шаман вкалывал, как проклятый. Двое детей, кредит на квартиру, новую машину. Черт любил зависимых от денежных знаков подчиненных. Он владел их телами, их временем, их душами. Он их хозяин, их повелитель. Он – земной Бог.

– Жду подтверждения, – нервничал голос, на том конце беспроводной связи.

- Жди, – отрезал Черт.
- Время, – напомнил звонивший.

Черт не ответил. Шаман возглавлял особый отдел, его парни в течение пяти лет успешно прослушивали мэра, прокурора, депутатов, конкурентов. И вот, силовики изъяли дорогое оборудование, арестовали сотрудников службы безопасности. Шаман прокололся. Он его подставил. Черт смял в холеной ладони дотлевшую сигарету, бросил ее под ноги и зверски растоптал. Как будто окурочек являлся причиной его больших неприятностей. Черт не хотел вспоминать о том, что его шантаж, угрозы первым лицам региона, стали весомым поводом для адекватных мер силовиков. Теперь активно прослушивался его телефон. Он так думал, поэтому разговаривал с собеседником лаконично.

– Я подтверждаю, – сказал Черт, как выстрелил. Связь мгновенно прервалась, словно этого разговора не существовало.

Самолет разогрелся, вошел в активную фазу, он готов служить хозяину беспрекословно. Черт легкой спортивной походкой преодолел трап и вошел на борт дорогого частного самолета. Этот самолет принадлежал ему. От дизайнерского кожаного салона до мельчайшего винтика в новом надежном авиадвигателе.

– Ваш кофе, горячий, – заискивающе промяукал его худосочный помощник Вениамин Зюскинд, он же Веня, прозвище Веник.

Черт недовольно взглянул на помощника, представляющего собой нечто среднее между женщиной и мужчиной. Очевидное достоинство, с мужчинами Веня на равных, а с женщинами верткий помощник превращался в истинного дамского угодника. Евреи Зюскинда обожают, а их в системе управления страной и регионом не счесть. Раб модных шмоток и автомобилей, Зюскинд, находился у Черта на самом надежном крючке. Он являлся его рабом в прямом и переносном смысле. Платил Черт помощнику щедро, а потому позволял себе все, что душа пожелает. А душа у Черта – бесконечно темная, как Вселенная! Впрочем, как и финансовые возможности, являющиеся надежным фундаментом в формировании культа его личности.

– Веник, я жрать хочу, что у нас есть?

– Сом, приготовленный по специальному рецепту, вкусный, сочный, отменный! Раечка говорит, его доставили из частного пруда. Их выращивают для VIP-клиентов. Готовил рыбу ваш любимый повар, – суетился Зюскинд.

– Ты хочешь сказать, что рыбаков и сточные фекалии этот сом не пробовал?

– Как можно! Конечно, нет.

– Давай сома, живо. А то тебя съем.

– Хи-хи, было бы, что есть, – одобрил шутку хозяина худосочный помощник и театрально запрокинул осветленную длинную челку назад, обнажив перед шефом выпуклый, припудренный лоб. Черт не любил театр, особенно, когда второстепенные роли в нем исполняли знакомые ему гомики. В животе у Черта неприлично бурчало. Желудочные соки, подобно совести, разъедали его молодой и здоровый организм изнутри.

Бортпроводница Раечка оперативно выкладывала на фарфоровое, с вычурным рисунком, блюдо жирного сома, который сегодня аппетитно дебютировал пред хозяином, в окружении маринованной морковки, огурчиков и неприлично кустистой, а главное, свежей зелени. Самолет набирал высоту.

– Давай, давай, Рая, – торопил хозяйку небесной кухни Зюскинд.

– Веня, минуточку, еще один огурчик положу, вот видишь, все готово!

– Я сам отнесу, он сегодня не в духе, – сказал помощник и затолкал себе, как ему показалось, лишний огурец в рот, – Хрустит, как живой, – веселился Зюскинд.

Он надеялся, что шеф, пропустивший обед, накинется на сома. Однако надежда умерла практически сразу, как только помощник заглянул в глаза самого средоточия зла.

– Я полагаю, это Русалка? Она свежая и молодая? – безапелляционно спросил Черт у помощника. Ни один мускул на породистом лице босса не дрогнул, как Веня ни присматривался, шурил свои близорукие глаза, улыбка у Черта отсутствовала.

– Плавала русалка, а стала сомом, – пошутил неудачно Зюскинд, понимая – началось.

– Я не люблю неопределенности, заberi это блюдо, и принесли мне мясо русалки. Свежее, сочное мясо. А пока я выпью холодной водки. Поторопись, ты знаешь, я ждать не люблю.

Водка у Черта своя, он ее папа и мама в одном лице, потому что ее любимую производит. И хотя, как красноречиво вещает реклама, водка в муках рождается на мистической воде, сам хозяин огненного напитка ее редко пьет, бережет здоровье, но сегодня особый случай. Он сделал выбор. Единственно правильный выбор. Черт выбрал себя, а это означает – ему необходимо подумать о новом руководителе службы безопасности. Безопасность превыше всего.

Самолет утонул в мутных, густых облаках, земли практически не видно. На такой высоте, в собственном самолете Черт чувствует себя комфортно. Пьет холодную водку из маленьких фирменных рюмочек, на которых золотыми буквами нанесена его дорогая, любимая торговая марка «Роденькая».

– Я знала, что у него плохое настроение, но не до такой, же, степени! Веня, что делать? Какая русалка? Он что, издевается над нами? – металась по крохотной кухне бортпроводница. Она отчаянно махала ручками, словно курица короткими крыльями. «Рая, ты в небе, бежать некуда», – шептал ей внутренний голос. Откуда на борту самолета может появиться мясо мифической русалки?

– Значит, мясо русалки? Русалка – это пустяки! Главное чтобы он Нептуна не заказал. Где я ему возьму Нептуна в небе? Думай, думай, Зюскинд, – настраивал себя вслух на решение сверхзадачи верткий помощник.

– Веня, это мой последний рейс. Как хочешь. Все, точка, достал! Черт, черт, черт!!! Голые модели на борту – понимаю. Медведя перевозили, артистов...

Артисты тоже люди. Экстрасенсы над городом колядовали, вреда никто не заметил; попы за борт после двух литров с парашютом прыгали, логично. Глупо, но понятно. А мясо русалки! Все, он меня достал. Окончательно, бесповоротно. Черт – он и на земле и в небе самый настоящий «Черт»!

– Рая, девочка моя. Главное – не суетись, прорвемся, есть идея! Есть!!!

Зюскинд убежал в салон самолета, пулей возвратился обратно на кухню. В руках он держал аккуратно упакованный подарок предназначавшийся любимому племяннику. Веня нервно разорвал яркую бумажную упаковку, открыл коробку, на пол синхронно упала пара новых зеленых ласт.

– Ты дурак?

– Да, Рая, я взвездной дурак, и зарплата у меня дурацкая. За такие выкрутасы шефа мне с то штук зеленых в месяц необходимо платить. Ох, продешевил я, ох, продешевил с этим контрактом! Шеф желает мясо русалки, не вопрос, – молвил помощник и без сожаления отрезал от детской ласты самую функциональную ее часть. Ластва фантастическим образом превратилась в плавник русалки.

Рая на скорую руку украсила блюдо, пристроила плавник. Помощник вставил посредине рыбного изыска два сваренных яйца. Яйца – это несостоявшийся ужин Раи, но чем не пожертвуешь ради шефа. Хвост есть, грудь у русалки правда маленькая, но зато сваренная вкрутую. Туловище из сома. Голова? Рая, не раздумывая, разрешила пополам маленький моченый арбуз, украсила его морской капустой. Длинные темно-зеленые пряди свисали с тарелки аппетитно и натурально. Русалка вышла на славу! Зюскинд на полусогнутых ногах двигался в направлении логова нечистой силы. Сила надежно обосновалась в модном кожаном кресле комфортного салона.

– Вот, Александр Евгеньевич, как просили – мясо русалки! – произнес помощник, как будто всю жизнь играл в драматическом театре самую востребованную роль, в которой по сценарию, он, непревзойденный кумир галерок, громко произносил единственную, но такую роковую фразу: «Кушать подано!».

Шеф взглянул на блюдо и разразился истерическим смехом. Он смеялся за пределами громко, устрашая дьявольской энергетикой: пилотов, бортпроводницу, помощника и грозовые облака. Самолет от страха рухнул в глубокую воздушную яму. Судну понадобилось немало усилий, чтобы выровнять горизонт, расправить крылья и, не отвлекаясь на очередные чудачества хозяина, идти прямо по курсу на Берлин.

– Молодец! Уважил, давай есть твою русалку, – откашлявшись, произнес шеф.

Веник хотел возразить ему, мол, русалка не моя, а ваша, но не посмел. Даже в минуту душевной слабости шеф оставался Чертом. Его боялись, ненавидели, уважали, а некоторые особи женского пола страстно вождели. Он – водочный барон, олигарх, депутат, работодатель года. В модных глянцевых изданиях – уважаемый, великий и могучий Александр Евгеньевич Чертков, а в быту и за глаза, просто Черт. Он знал, как величают его подчиненные, партнеры, конкуренты, друзья, приятели, и, как будто специально, ежедневно убеждал их в единственно правильном прозвище, которое подходило к его персоне – господин Черт.

В то время, когда Александр Евгеньевич Чертков бороздил усеянное густыми облаками воздушное пространство над любимой родиной, успевая с аппетитом поедать мясо мифической русалки, начальник его службы безопасности на огромной скорости мчался в славный город Приморск. По заданию Александра Черткова, он обязан в кратчайшие сроки разобраться с недостатками «Роденькой», которая странным образом исчезала мелкими партиями на самом крупном складе в Приморске. Черт не любил, когда его водку воровали. Строго следил за каждым литровым детищем. Одного не мог понять Павел Шаман, складом в Приморске руководил двоюродный брат шефа, и вдруг недостача. Странно! Новенький BMW начальника службы безопасности летел, как загнанный зверь, шипы на колесах безжалостно счесывали провинциальный асфальт, углубляя и без того до неприличия огромные дорожные выбоины. Автомобиль в очередной раз подбросило вверх, сердце Шамана неприятно пронзила боль.

– Может, не стоит торопиться, – укоризненно сказала медсестра, сидящая рядом на переднем сидении в автомобиле, которая за последние три месяца стала настоящим ангелом-хранителем для Павла Шамана.

– Черт просил ему перезвонить по прибытии в город. У нас нет времени на раскачку. Надя, простите, но вам придется потерпеть! И спасибо, что вы не напоминаете мне об инфаркте.

– Я молчу... А сердце, Павел Аркадьевич, не камень, его беречь необходимо. Вчера капельницу пропустили? Пропустили! А я должна за вашим здоровьем следить.

– Вот и следи!

– А как следить, если вы все время работаете на максимальных оборотах и сверхскоростях. У вас на сердце рубец не зажил, а вы, как гонщик «Формулы – 1», быстрее ветра мчите.

– Надежда, не бурчи!

Настойчиво зазвонил мобильный, Шаман без промедления ответил, это позволило ему отвлечься от заботливой медсестры, которая периодически проявляла к нему навязчивые материнские чувства.

Надя умела молчать, говорила только по делу, даже с домочадцами она немногословна. Павел Аркадьевич об этой особенности медсестры знал, ее домашний и мобильный телефоны прослушивались круглосуточно. Надя являлась невольным свидетелем его деловых разговоров. Поэтому, когда ее принимали на работу в корпорацию ЗАО «Роденькая» девушке пришлось подписать строгий контракт о конфиденциальности. Ее интересовало исключительно большое сердце Шамана, а не маленькие и большие секреты алкогольного бизнеса, которому

он верой и правдой служил. Она с нежностью смотрела на Павла Аркадьевича, сурово разговаривавшего по телефону со старшим сыном, младшему в этом году исполнилось три года. Воспитывает на скорости под двести километров в час. Все успевает, все контролирует. «Вот повезло мужику, – подумала Надя, – у него дружная семья, любимая работа, только со здоровьем проблемы. Серьезные проблемы! Сжигает себя на работе». Шаман почувствовал пристальный взгляд медсестры и весело моргнул ей в ответ, мол, сама понимаешь, на связи старший сын. Надя медленно перевела взгляд на дорогу и закричала:

– Павел Аркадьевич, грузовик!

Шаман успел прохрипеть сыну: «Я перезвоню...» и бросил мобильный.

Навстречу BMW по встречной полосе с огромной скоростью неся грузженный металлом грузовик. Из всех имеющихся в арсенале лошадиных сил, внедорожник выкрикнул хозяину: «Родненький, правее, правее». Новый ухоженный автомобиль с номерным знаком AP 6669 BK двигался навстречу судьбе. Он успел испугаться, похоронив в дальнем углу своего багажника лучшие воспоминания о заботливом механике корпорации «Родненькая», который лелеял офисную машину, как собственную. Лобовое стекло запотело, протекторы на колесах обмякли, машина чувствовала, как безнадежно громко стучит больное сердце Шамана, как учащенно бьется пульс Нади, но помочь людям она не в силах.

Сильный удар грузовика отправил холеный BMW в дорожный нокаут. Машина отключилась мгновенно, как только лоб грузовика протаранил ее мощную броню, подушки безопасности не спасли.

Надя первой пришла в сознание, она стояла рядом с обезображенной машиной и смотрела на себя со стороны, накрахмаленный халат постепенно пропитывала теплая, густая кровь. «Нижнюю пуговицу пришить не успела», – подумала Надя. Она осмотрелась и увидела в траве лежащего на обочине дороги с расprostертыми руками Павла, подошла. Шаман, как будто спал, к нему на грудь медленно приземлилась огромная белая бабочка. Она бесцеремонно шевелила длинным хоботком и радостно хлопала крыльями. «Радоваться нечему», – рассердилась Надя и ухоженной ладошкой отогнала насекомое. По привычке, медсестра прощупала пульс у пострадавшего, пульс отсутствовал. Шаман медленно открыл глаза, сильно щурясь от солнца, посмотрел на Надю. Все страхи остались в прошлом.

– Пойдем со мной, – сказала медсестра тихим, спокойным голосом, как должны говорить профессиональные медицинские работники, находясь в эпицентре чрезвычайной ситуации.

– Надя! Мы живы, слава Богу, я испугался. Думал, это конец. Откуда появился на дороге грузовик? Чертов грузовик... Ужас! Представляешь, ничего не болит. Удивительно!!!

Шаман встал, очистил брюки от пыли, он любил, когда его одежда находилась в идеальном порядке. Покрутил головой, улыбнулся, голова на месте. Подвигал плечами, подергал ногами, присел. Живой!!! Посмотрел на часы, они остановились, хотя внешних повреждений не видно.

– Часы тютю-тютю, хваленая Швейцария! Не выдержала дружественного рукопожатия ответственного грузовика! Главное, Надя, мы целы, здоровы, – успокаивал Шаман медсестру.

Она, смотрела на него с грустью и, казалось, находилась вне доступа его повседневных шуточек. Надя подошла к Павлу, трепетно взяла его за руку и вывела на дорогу. Он увидел себя в развороченной машине с изуродованной головой, проломленной грудной клеткой и ее, сидящую рядом в окровавленном халате с запрокинутой назад кудрявой головой. Ее рыжие волосы купались в июньских солнечных лучах, не утратив природной красоты. Надя не успела закрыть глаза. Павел подошел к груде изуродованного металла, которая опиралась на два уцелевших задних колеса, еще ближе, он не верил тому, что видел. Наклонился над телом Нади и успел рассмотреть, как в ее открытых миру зеленых глазах отражались плывущие по небу молочные облака.

– Я не хочу, Надя, я не хочу! Мы мертвы?!! Надя, что это?!! Надя!!!

– С точки зрения медицины необъяснимый факт. Мы мертвы и мы живы одновременно. Смотри, вон водитель грузовика нервно курит, давай подойдем, поговорим с ним.

Немолодой водитель в грязной одежде, на которой отпечатались мелкие капли крови, медленно курил, он не реагировал на резкие движения двух бестелесных созданий. Шофер грузовика напоминал запрограммированного робота, который курил, потому что сейчас в данный момент времени он должен курить. Дым валил из его грубых, волосатых пролетарских ноздрей. Телефонный звонок превратил робота в обыкновенного человека, мужик затушил бычок. На короткое телефонное приветствие виновник ДТП ответил собеседнику предельно скупое.

– Я сделал все, как вы просили.

– Он мертв? – уточнил хриловатый голос.

– И он мертв и девушка, которая сидела впереди. Я могу надеяться, что с моим сыном все в порядке? Вы обещали!

– Раз обещали, значит выполним.

Водитель достал из потрепанной в аварии пачки папиросу, помял ее немного и снова закурил. По его небритой щеке неторопливо стекала слеза. Спешить мужской скупой слезе некуда. Что сделано, то сделано. Он убил двух незнакомых ему людей ради Лешки. Сыну нужны большие деньги на операцию, пересадка костного мозга. Живи Лешка, отец сядет в тюрьму, но будет знать, что единственный продолжатель его рода спасен. Слезка скатилась и упала на пыльный асфальт, мокрый след на небритой щеке быстро высох.

Шаман догадался, почему Черт настаивал на срочной поездке в Приморск. Столько неотложных дел, а шеф послал его, начальника службы безопасности, разбираться с обычной кражей на складе.

– Надя, я так это не оставлю! Черт у меня за все ответит. У меня осталось двое детей. Маленьких детей. Надя! Я обещал им, я обещал, что мы вместе поедем на море через пять дней.

– Павел Аркадьевич! Павел, успокойся, возьми себя в руки. Ты – призрак, ты пустота. Нас нет на этой земле. Мы уже ничего не можем сделать!

– Тебе легко говорить. А мои мальчишки будут расти без отца. Понимаешь, я им нужен, они будут расти без отца.

– Я тоже потеряла ребенка.

– Что?

– Я беременна, шесть недель, муж не знает. И не узнает. Интересно, кто у меня мог родиться, мальчик или девочка? Пять томительных лет ожидания, и вот свершилось, я забеременела. Хотела мужу сообщить радостную новость. А ему сегодня сообщат, что я погибла в автомобильной катастрофе.

Павел промолчал в ответ. Все сказано. Пустота, как вечность пространства и мудрость бытия. Пустота! Жизнь, как хочется жить, находясь в крепких объятиях смерти. Тебе выдан билет в один конец. Последняя станция. Выход... Страшно, хотя ты уже умер. Больше ничего не будет, никогда, нигде, ни с кем...

Неожиданно сотни тысяч белых бабочек спустились с небес, они порхали повсюду, источая знакомый запах ладана. Надя решительно взяла Павла за руку и повела на поляну, подальше от трассы, от места аварии, где собрались любопытствующие водители. Они бойко тревожными голосами сообщали по телефону в ГАИ и в скорую помощь о происшествии. Не зная о том, что спасать больше некого. В изувеченной машине остались одни тела. Три души: двое взрослых и неродившийся ребенок готовились к переходу в мир иной. Хаотично порхающие бабочки, далекие от математических формул и теорем с филигранной точностью создали живую спираль, указывая мертвым путь вверх. Надежда шагнула первой в порхающую воронку, ее подхватили бабочки и унесли в незнакомый медицинскому работнику мир.

Павел Шаман, очарованный увиденным, сделал уверенно шаг навстречу живому коридору. «Пора, пора», – шептали бабочки, синхронно хлопая белыми полупрозрачными крыльями.

– Нет, я останусь. У меня на земле есть одно незавершенное дело.

– Пора, тебя ждут наверху, торопись, – шептали крылатые создания.

– Я, конечно, вас очень уважаю! У вас своя неблагодарная работа, мертвые души на небо транспортировать, это я понимаю. Но, туда я всегда успею, – уверенно заявил Павел Шаман и стал руками разгонять божественные создания. – Как хотите, но мне с вами не по пути.

Он быстро, как только смог, бежал через густой лес, царапая ветками деревьев лицо и руки. Бабочки назойливо летели за ним по пятам и тихо шептали: «Пора, пора», – надеясь на взаимность. Через два часа непрерывного бега Павел рухнул на землю, под старый пенек, где росла сочная трава. Широко распластав прозрачные контуры тела, лежал он, начальник службы безопасности корпорации «Родненькая» Павел Аркадьевич Шаман, уставший и злой. Тишина, такая божественная тишина бывает только в лесу, ее позволено нарушать птичкам. Как они сладко поют. Хорошо. Спокойно. Он сел, осмотрелся. Пить, есть не хочется, хоть какая-то выгода существует в жизни призрака! На правом плече сидела она – большая белая бабочка, вывалившая свой длинный хоботок, словно язык, на плечо беглеца. Посланица небес тяжело дышала, даже крыльями не хлопала.

– Разведчица, значит. Следишь за мной. Давай договариваться, я завершу на земле одно важное дело, а потом позову тебя и мы вместе с твоими насекомыми соратниками отправимся в гости, на небо. Хоть в рай, хоть в ад. Понимаешь, я не могу уйти сейчас. Человек ты или нет? Ах, да, ты же не человек!

Бабочка запротестовала, она резко замахала большими крыльями перед лицом Павла, в лицо ему дунул горячий поток воздуха, как от мощного электрического фена. Он вдруг вспомнил любимую жену, назойливый звук работающего по утрам фена, который его раньше страшно раздражал, а сейчас этот миг стал блаженным. Шаман осознал, бабочка – это человеческая душа, а значит, она все чувствует и понимает.

– Родненькая, ненавижу это слово, оно напоминает мне корпорацию, за безопасность которой я заплатил собственной жизнью. Родная, дорогая, любимая бабочка, прошу, отпусти меня, дай мне время, – взмолился Павел Шаман и покорно опустил голову, скрестив руки на груди. – Мне рано покидать этот мир, дай мне шанс, один единственный шанс наказать виновного в моей смерти, и я сделаю все, о чем ты меня попросишь!

Через минуту он открыл глаза, готовый сдаться крылатому небесному правосудию, но рядом никого не оказалось. Тишина. Ему позволили остаться здесь, на Земле. Он благодарно посмотрел в небо и прошептал, как в церкви на исповеди, куда он никогда не ходил: «Спасибо».

Надя, вместе с душой неродившегося ребенка, в живой спирали из белых бабочек медленно двигалась в загадочный для нее мир. Странно, подумала девушка, я человек здравомыслящий, атеистка, прагматик, а лечу в живом коридоре между небом и землей. Лечу и сама не верю в происходящее. Фантастика! Читала разные умные книги, физиологию человека, анатомию, а, на самом деле, все так просто и понятно. Душа отправляется на небо, а тело предают земле.

Вдруг, медсестра поднебесья заметила движущийся посреди густых облаков самолет, принадлежащий человеку, о котором ей сейчас меньше всего хотелось думать. На корпусе белоснежного самолета виднелась характерная надпись золотыми буквами «Родненькая». Он там, в своем частном самолете, решила медсестра. Этот самолет с другим воздушным судном не перепутаешь. И, как всякая женщина, сотканная из противоречий, Надя решила хоть одним глазком взглянуть на человека, лишившего ее и ребенка жизни. Медсестра подумала, и мгновенно оказалась на территории частной собственности, куда при жизни ее никто и никогда не приглашал.

Александр Евгеньевич Чертков запрещенными Министерством здравоохранения дозами «Родненькой» довел свой организм до нужной кондиции. Сильно пьяный, он казался еще более злым. Переживает, подумала Надя, расположившаяся в кресле напротив водочного олигарха. На мельчайшую долю земной секунды в ее душе поселилось сострадание к нему, богатому, и такому несчастному. Но только на долю. Рядом с пьяным Чертковым в соседнем кресле прилежал Зюскинд, который в ноутбуке подыскивал ему красивых девок, и тут же презентовал их тела и лица патрону. Молодой олигарх морщил лицо и в каждой находил существенные изъяны. А если не находил, кричал, что телку оффотошопили, и, вообще, всех красивых баб в этой стране он уже отымел.

Надя не заметила, как к горлу подступила обида и боль, она вспомнила отчаянье Павла, вспомнила о своем неродившемся ребенке, чье маленькое сердечко перестало биться в тот момент, когда умерло ее, еще молодое и сильное тело. Медсестра демонстративно встала с насиженного места и отчаянно плюнула в лицо убийце. Ко лбу Черткова мгновенно прилипла белая большая бабочка, она не могла взлететь с низкого старта, мешали влажные крылья.

– Что за черт? – завопил Чертков.

– Моль, какая-то моль, невероятно больших размеров, – сообщил помощник заплеванному небесной бабочкой патрону. – Рая, Рая, что у тебя в салоне какая-то дрянь летает?! Скорее сюда!

Бортпроводница Рая прибежала с влажными салфетками и тщательно вытерла высокий лоб самого Александра Евгеньевича. Шеф злился, ему впервые в жизни сели на голову, он такого никому не позволял.

– Какая у тебя зарплата? – поинтересовался владелец самолета.

– Пятьсот евро, – отчеканила, как на плацу Рая, скрывая природную сутулость и неуверенность в себе.

– Ты оштрафована на двести, работать надо, а не «байдыки бить», скоро у тебя черти по салону начнут бегать!!!

«Один Черт уже есть», – подумала расстроенная бортпроводница...

– Иди и помни, любая моль при посадке на мой лоб обойдется тебе в двести условных единиц. Ферштейн?

– Так это не моль, это бабочка – альбинос. Большая какая, откуда она только взялась в самолете, я не пойму.

– Свободна.

Рая убежала на кухню, чтобы утопить в своих слезах накрахмаленное кухонное полотенце. Хоть бы Черт не услышал! Опять штраф, в прошлом месяце ему не понравился песочный цвет салфеток, в этом – бабочка. Заплаканная бортпроводница решила положить крылатое существо стоимостью двести евро в толстую книгу, фантастический роман она не могла осилить уже второй год. Дочке подарок будет, засушу проказницу, посмевающую Черту на голову сесть, подумала Рая. Бабочка бесцеремонно выкатила свой длинный хоботок на ладонь женщине, по хоботку, как по желобу стекла единственная липкая желтая капля, сильно пахнущая ладаном.

– И ты туда же, сопли распустила. Отлеталась подруга! – с грустью в голосе произнесла Рая.

– Отпусти ее, – попросила Надя, чей необдуманный плевок обошелся бортпроводнице в солидную сумму.

Медсестра пожалела о своем бессмысленном поступке. Зря я плюнула. Хотела наказать убийцу, а пострадал невинный человек.

– Отпусти ее, прошу, – шептала Надя на ухо заплаканной женщине.

Рая невидимую пассажирку не услышала и не увидела, хотя та стояла за ее спиной, но что-то в ее женской душе шелкнуло. Она глубоко вздохнула и торжественно произнесла вслух.

– Не все изверги на этом свете. Живи! Прилетим в Берлин, я тебя выпущу. Еще пару часов, и ты – на свободе. Ох, церковью запахло. Господи спаси и сохрани, – бортпроводница набожно перекрестилась.

Затем, Рая бережно положила бабочку на полку, чтобы та хорошенько высохла. С влажными крыльями не полетаешь, даже на берлинских сытых и ухоженных луговых полях.

– Рая, сделай нам крепкий кофе, – заскулил прибежавший на кухню Веня Зюскинд.

Для работников корпорации «Родненькая» распоряжение Черта два раза не повторяли. Рая всегда справедливо считала себя чемпионом по завариванию ароматного кофе.

Надя с удовольствием наблюдала за бортпроводницей, за ее четкими, профессиональными движениями, медсестра тоже любила кофе, крепкий, но с молоком. Она смотрела на любимый напиток, однако пригубить его не хотелось. Странно!

Рая ушла в салон самолета с подносом, на котором стояли две чашки кофе, пиала с орешками, а также большая фирменная плитка черного горького шоколада, который Черт обожал.

Надя воспользовалась паузой, отсутствием хозяйки на кухне, она взяла пострадавшую бабочку на свою ладонь и тихо сказала ей:

– Прости меня, я не буду больше плевать, даже в убийцу, я хочу назад. Я хочу скорее забыть этот земной ужас.

Надя закрыла глаза. Через секунду медсестра оказалась летящей в небесной спирали, состоявшей из живых белых бабочек. Сильно пахло ладаном. Зазвучали колокола, проникновенно. Бесконечность стала реальной, как никогда. Души Нади и ее ребенка покорно покидали жестокий, циничный мир людей. В судьбе двух женщин (у Нади должна была родиться девочка) поставлена точка, реальная, конкретная. Возврата не будет. Точка.

В Берлине шел дождь, посадку долго не разрешали. Когда самолет, с трудом для членов экипажа, приземлился на посадочную полосу, Рая вспомнила о бабочке. Не судьба, подумала бортпроводница, нужно красавицу срочно засушить. Не пропадать же добру! На улице противно моросил дождь, выпустить в немецкие поля украинскую бабочку не получалось. Рая взяла опостылевшую и не прочитанную книгу, молчаливый укор ее скудному интеллектуальному развитию, и направилась к заветной полке, где вместо двухсот евро должна лежать крылатая альбиноска с длинным хоботком. Моли, как обозвал ее Зюскинд, на месте не оказалось, в толстую книгу положить и засушить нечего. Рая занервничала, на месте бабочки осталось только мокрое пятно, бортпроводница дотронулась до него ухоженными дамскими пальчиками. Липко. Поднесла руку к лицу, понюхала. Так пахнет ладан. Рая, как обиженный ребенок, уселась на пол в кухне и осознала – тело диковинной бабочки отсутствует, остался один запах...

– И это за двести евро?

Закономерность

Жанна лежала на пляже и чувствовала – спина обгорает, но идти купаться в холодное Азовское море не спешила. Она с любовью смотрела, как ее четырехлетняя дочь возится в песке на берегу. Машка строила кучки из песка, а море их безжалостно разламывало. Ребенок не отчаивался и с завидным упорством возводил новые песчаные сооружения. Мой характер, подумала Жанна и улыбнулась. В сорок пять лет иметь такого чудесного ребенка – огромное женское счастье. Отчаянный крик Машки отрезвил расплавленную от солнца мамашу. Жанна быстро подбежала к дочери.

– Змея, змея, – закричали отдыхающие, выбегая из моря врассыпную.

Жанна подняла на руки испуганного ребенка, Машка обхватила мать за обгоревшую шею и прошептала:

– Змеюка, страшная, она нас сейчас съест.

У берега из воды на них смотрела огромная змея, во рту она держала трепыхающегося морского бычка. Рыба, видимо, еще на что-то надеялась, потому что отчаянно извивалась всем телом и несуразно мотала плавниками.

– Из лимана в море заползла, в камышах их тысячи, – сказал подошедший к месту пляжного происшествия мужчина, чей выпуклый пивной животик напомнил Жанне ее беременность на последнем месяце.

– Где администрация пансионата? Здесь дети купаются, безобразия, змеи плавают вместе с людьми! – московский акцент выдал представительницу дружественной страны. Огромные поля соломенной шляпы закрывали лицо женщины от солнца и посторонних глаз, отдыхающих, за ее спиной, скопилось немало. Ее недовольный голос свидетельствовал о том, что дама под шляпой недоброжелательно сдвинула брови на переносице.

– Наглая тварь, людей не боится! Не уползает, и бычка поймала самого жирного в Азовском море! Наша украинская змея не съест, но надкусит каждого у кого плавники имеются, – констатировал, отягощенный страстной привычкой употреблять отечественное пиво литрами, загорелый мужчина.

– Убейте ее! Немедленно! – приказала приехавшая в курортный украинский городок солидная дама из Москвы, и ткнула указательным пальцем в любительницу азовских бычков.

Змея, не выпуская добычу из острых зубов, свирепо зашипела на представительницу московской интеллигенции. Женщина ойкнула и сделала шаг назад от кромки моря.

– Дамочка, не свирепствуйте, здесь вам шо, Бородино? Мы наших змей в Украине в обиду не дадим.

– Мужчина, здесь дети, как вам не стыдно?!

– А вам? У змеи, может, тоже детки есть, она шо, по-вашему, сама огромным бычком давиться будет?

Жанна осознавала, назревает скандал международного уровня. Она решила выступить в роли рефери.

– Давайте все отойдем, пусть змея вместе с добычей ползет назад, в лиман. А если нет, будем принимать радикальные меры.

Змея покосилась на Жанну, она не любила, когда ее шантажировали. Откуда азовской змее знать, что перед ней стоит настоящая пиарщица высшей категории, которая и не таких политических драконов усмирляла.

Как только отдыхающие расступились, змея с гордо поднятой вверх добычей поползла по открывшемуся специально для нее живому коридору. Она величественно смотрела на ноги отдыхающих и решила, что некоторым пора бы подстричь ногти. На середине пути змея почувствовала себя президентшей лимана, нет – Азовского моря, нет – всея Украины! Мальчишка

лет тринадцати больно пнул длинной палкой змею по жирному извивающемуся телу. Змея сгруппировалась и быстро уползла в замусоренный лиман.

– Ура! Ура! – закричали дети и дружно бросились купаться в холодное море. «Странно», – подумала Жанна, море для детей стало ценным лишь после того, как его покинула змея, до этого они его игнорировали. Еще довольно прохладно, начало лета. Пиарщица села на пляжный цветной коврик, намазалась кремом от загара и продолжила наблюдать за дочерью, которая с усердием строила кучки из мокрого песка. Зазвонил мобильный. Жанна скептически посмотрела на номер телефона, кто это намерен испортить ей начало пляжного сезона?

– Русалка слушает! – на том конце телефонной связи ответили не сразу.

– Ну, у тебя и шуточки, Громовик, а главное – в тему.

– Что так?

– Так шеф тут давеча мясо русалки мне заказал.

– Уверена, ты, Веник, как всегда, выкрутился.

– А куда я денусь с подводной лодки? Звоню тебе из Берлина, погода здесь дрянь, идет дождь.

– А я на море.

– Завидую тебе, Жанна.

– Ой, чувствую, ты мне хочешь отпуск испортить, – Жанна мыслила в правильном направлении. С Зюскиндом она знакома давно, с института. Поэтому точно знает, он звонит ей исключительно по делу. Друзей у Вени нет, только партнеры, его интересуют деньги, точнее – большие деньги.

– Я всегда знал, что ты, Жанка, – экстрасенс. И эту важную информацию от коллег скрываешь. Считаю, что отпуск я тебе уже испортил. Александр Евгеньевич Чертков предлагает тебе работу, высокооплачиваемую работу. Он учредил благотворительный фонд «Родня Задоржья». Ты с сегодняшнего дня работаешь в фонде пиар – директором. Полное информационное освещение, хороший бюджет.

– Подожди, я своего согласия еще не дала. Я в отпуске с ребенком. Веник, остановись!

– Какой к черту отпуск, Громовик! Ты работаешь на телеканале за копейки, а я предлагаю хорошие деньги... Я же знаю, что у тебя творческий простой, точнее застой.

– Аллю...

– Деньги...

– Веня, я тебя плохо слышу! Веня...

– Еще бы... Половину зарплаты потратил на разговоры с тобой.

– У тебя корпоративный, все кто работает в корпорации «Родненькая» обеспечены безлимитным тарифом, – съязвила Жанна.

– Вот видишь, в нашей корпорации отличные условия, через десять минут ты тоже получишь корпоративный телефон. Запоминай, возле главного входа в пансионат, где ты отдыхаешь, уже стоит женщина в цветастом платье. Она передаст тебе аванс, телефон и предоставит водителя с машиной, а ты ей торжественно вручишь Машку. Не волнуйся, дама – профессиональная Фрекен Бок. Ты мне за нее еще спасибо скажешь.

– Нянька, деньги, телефон – это замечательно, а как насчет шефа? Ты уверен, что я на него смогу работать? О нем такое рассказывают... А я не из тех, кто достает по щучьему велению мясо Русалки. Я его пошлю за подобные фокусы, на этом моя работа и закончится.

– Послушай Жанна, Чертков – нормальный мужик. Для фокусов у него есть я. С формальностями закончили. Такую работу не каждый день предлагают.

Ты слышала про Пашу Шамана.

– Нет, а что?

– Он утром погиб в автомобильной катастрофе.

– Какой ужас!

– Чертков страшно расстроен. Мы в Берлин улетели с дружественным визитом, здесь проходит уникальная выставка, собрались представители известных алкогольных брендов, Александр Евгеньевич ведет серьезные переговоры, а тут такое горе. Сегодня вечером похороны. Прилететь не успеваем.

– Так быстро хоронят?

– Лето, сама понимаешь. Наши девочки из корпорации все организовали, ты вручишь венок от Черткова, посмотришь, как похороны прошли.

– Почему я?

– Ты новый человек, за нашими сотрудниками присмотришь. Александр Евгеньевич хочет, чтобы все прошло на высшем уровне, по-человечески. Шаман много лет проработал в его корпорации, босс Пашу очень ценил. Сделаешь для меня одолжение, передашь венок?

– Понимаю, сделаю, не переживай. Да, жалко Пашу Шамана хороший мужик был. Может, конкуренты его убрали?

– Я говорил, что ты экстрасенс, но это, Громовик, не телефонный разговор. Все, до связи, через пару дней увидимся. Целую в носик.

Жанна Громовик скривилась, она представила, как Веня Зюскинд нежно целует ее в обгоревший на солнце нос. К людям с нетрадиционной ориентацией Жанна относилась снисходительно, при одном условии – никакого тактильного контакта. У нее маленький ребенок! Она не может себе позволить, чтобы до нее, пусть даже виртуально, дотрагивался язык человека, который сует его неизвестно кому и неизвестно куда. Громовик любила определенность, а Зюскинд в число людей, которым она доверяла, не входил. Скользкий, мутный тип.

Жанна глубоко и нервно вздохнула, собрала пляжные вещи в охапку, оторвала дочку от мокрого песка, и через пятнадцать минут возле главного входа в пансионат столкнулась с типичной Фрекен Бок.

– Здравствуйте, Жанночка! Вы одна из нас. Теперь вы работаете на корпорацию «Родненькая»! – у Жанны похолодело внутри. «Вляпалась», – подумала она, но отступать поздно.

– Меня зовут Маргарита Григорьевна, вот телефон, а вот карточка, здесь тысяча долларов. Пятьсот – ваш аванс, на остальные деньги приобретете венок. За моей спиной находится автомобиль. У вас есть в запасе двадцать три минуты, чтобы привести себя в порядок. В номере, на вашей кровати, лежит пакет, там траурная одежда и визитка с адресом, по дороге вы захватите венок и букет цветов от Александра Евгеньевича.

– А как вы попали в мой номер? – удивилась Жанна, крепко сжимая в руке маленькую горячую ладошку дочери. У Машки заканчивался запас терпения, она хотела на пляж, а потому тянула мать в сторону моря. Фрекен Бок на ребенка не обращала внимания, она занималась воспитанием Жанны.

– Деточка, поработаете хотя бы годик в корпорации «Родненькая» и все поймете, у нас везде свои люди. И еще, телефон всегда должен находиться при вас, всегда. Вам могут позвонить в любую минуту, где бы вы ни находились. Если вам позвонит Александр Евгеньевич, а вы не возьмете трубку, знайте – штраф пятьсот долларов. Второй звонок без ответа – вы уволены.

– О, теперь я знаю, что нужно делать, если я захочу сбежать от «Родненькой»!

– Деточка, это не та организация, из которой так просто уходят. На сегодня хватит. Потопитесь, осталась двадцать одна минута. Начало похорон в шесть часов вечера, а вам еще необходимо забрать венок и благополучно доехать до Задорожья. А как зовут эту хорошенькую девочку? – изменив до неузнаваемости интонацию, обратилась Маргарита Григорьевна к ребенку. За секунду из деловой женщины она превратилась в добрую, покладистую нянечку.

– Ма-ша, – прошепелявила девочка в ответ ухоженной, старой тетке с фигурой, напоминающей песочные часы. – Я на море хочу, мама, – заныла Машка.

– Прекрасно, Машенька, мы с тобой вместе пойдем на море. Меня зовут Маргарита Григорьевна, можно просто бабушка Марго. Смотри, что у меня для тебя есть, – Маргарита Григорьевна достала из сумки резиновую русалку. Жанна догадалась – игрушка дорогая. Волосы, глаза, чешуйчатый хвост выглядели как настоящие. Женщина нажала на куклу, и та заговорила мяукающим голосом: «Меня зовут Зетта, а тебя, девочка?».

– А меня Маша, – добродушно ответил ребенок.

– Будем дружить, – предложила зеленоглазая русалка.

– Да, – не сопротивлялась Маша.

– Хочу в море поплавать, – закапризничало хвостатое создание и заморгало большими малахитовыми глазами.

Завороженный удивительной куклой ребенок забыл поцеловать на прощание маму, схватил крепко резиновую русалку и с новой нянькой бодро зашагал обратно, на пляж. Жанна с тоской посмотрела им в след. Нянька обернулась и жестом показала Громовик поторопиться. «Дьявольщина какая-то корпоративная, увижу Веника, убью», – подумала Жанна.

Собиралась она быстро, как в армии, на время, хотя никогда в вооруженных силах не служила. Служить – это не для нее, Жанна любит свободу мыслей и поступков. «Ладно, поживем-увидим, в крайнем случае, пару пропущенных звонков шефа – и ты снова на свободе, правда, без денег», – утешала себя пиарщица. Жанна надела маленькое черное платье, натянула траурного цвета полоску на голову, в пакете она обнаружила модные лакированные туфли с открытым носком. Ну, Фрекен Бок дает, с размером угадала. Странная женщина! Загадочная! Однако Машку ей доверить можно, у Марго все под контролем. Такая тетка армией командовать сможет, а с маленьким ребенком она справится без особого труда, убаюкивала материнскую совесть Жанна Громовик. Единственное, что ей не понравилось – это игрушка. Почему Марго подарила Машке именно русалку? Кукла попросила дочку пойти на море. Все по сценарию, как будто снимается кино, а мы все актеры и наши роли расписаны заранее, в жизни так не бывает. «Не бывает», – волновалась Жанна.

Дорога в родной город Задорожье не показалась пиарщице утомительной, комфортная машина, кондиционер и молчаливый водитель. Слишком молчаливый, практически глухонемой.

– Вы давно в корпорации «Родненькая» работаете?

– Мг.

– Хорошо платят?

– Мг.

– А вы видели Александра Евгеньевича?

– Мг.

– Какой он? – в ответ продолжительное молчание.

– Я говорю, нормальный мужик?

– Мг.

«Робот какой-то», – подумала Жанна. – «Наверное, боится меня, я человек новый в корпорации».

Ритуальную службу водитель нашел без труда, визитка ему не понадобилась. «У нас везде свои люди», – вспомнила Жанна слова Маргариты Григорьевны. Только сейчас пиарщица осознала, эта женщина в каждой произнесенной для нее фразе закодировала правила, по которым безукоризненно жила известная во всей стране, а тем более в городе Задорожье корпорация «Родненькая», выпускающая чудо-водку, на мистической воде.

В ритуальной службе Громовик выдали шикарный венок из алых и бледно-желтых роз, а также огромный букет цветов под стать венку. На широкой черной ленточке, которая как ядовитая змея обвила погребальный венок, ритуальные художники, золотыми буквами каллиграфически, используя исключительно шрифт торговой марки «Родненькая», написали: «Спи

спокойно, дорогой, любимый наш Паша Шаман. Я буду вспоминать о тебе всегда с огромной благодарностью и признательностью. Спасибо тебе за многолетнюю и плодотворную работу в корпорации «Родненькая», за искреннюю дружбу. Скорблю от всего сердца, твой Александр Евгеньевич Чертков».

«Целую в носик», – мысленно дописала послание Жанна. Она не сомневалась, текст на погребальной ленте сочинил Веник. Нашли, кому поручать деликатное дело! Слов много, а искренности – большой кукиш. Жанна работала в корпорации всего два часа, а уже хотела внести собственные коррективы. Она – профессиональная пиарщица, поэтому к словам относится как к инструменту, благодаря которому можно скovyрнуть подсознание каждого человека. Инструментом необходимо пользоваться ответственно, а главное – с большой осторожностью, чтобы не навредить делу, которому служишь. «А Веник, зависимый от однополой любви, в словах до неприличия навязчив, любвеобилен, фу, фу, фу», – возмутилась про себя Жанна.

– Как бы нам с вами не опоздать на похороны, – вежливо напомнил водитель и беспрекословно исполнил роль грузчика, взяв в свои загребушие руки шикарный венок и дорогой букет.

Громовик с детства не любила похоронную музыку, когда духовые инструменты, подзадоренные истерической флейтой, как будто специально выуживали из человеческой души горькие воспоминания, насильно заставляя навзрыд плакать участников похоронной процессии. Большой неуютный двор, расположенный в спальном районе промышленного мегаполиса, наводнили плачущие люди, от их слез двор, по самые крыши многоэтажных домов, затопила горечь утраты. Жанна вместе с водителем, который крепко держал венок и букет, двигались в эпицентр горя. Возле подъезда, где проживал Павел Шаман, стояло два одинаковых гроба оббитых дорогой атласной красной тканью. Рядом на крепких деревянных табуретках сидели сутулые и хмельные от успокоительных лекарств родственники. Периодически один из них начинал истошно кричать, ему тут же наливали очередную порцию валерьянки или давали таблетку «Новопассита».

– Почему два гроба? – спросила Жанна у заплаканной старушки.

– В одном Паша, а в другом Надя покоится. Господи, спаси и сохрани их души.

– Какая Надя?

– Медсестра, они ехали в одной машине. И оба насмерть. Господи, за что? Паша во дворе детскую площадку установил. Вот память после него и останется. А медсестра молоденькая, говорят – хорошая, Паша благодаря ее стараниям от инфаркта на ноги встал.

Жанна соображала быстро, очень быстро. Венок у нее один, а пострадавших в аварии двое. Хорошо, букет цветов есть. Она набрала запас воздуха в легкие и подошла к родственникам. Им было не до венков и сочувственных слов, однако Громовик со свойственной ей тактичностью поставила венок возле гроба Паши Шамана и вручила розы матери Нади. Она объяснила родным, почему на церемонии прощания отсутствует Александр Евгеньевич Чертков, приврав о нелетной погоде, которая всячески противостоит вылету частного самолета из Берлина. Похороны шли по стандартному сценарию, исключение составляло внушительное количество дорогих иномарок, перегородивших подъездные пути ко двору. Жанна смешалась с толпой. Она задумалась о ценности человеческой жизни, о том, что все мы смертны и переживаем по поводу пустяков, пока на встречную полосу нашей судьбы не выскочит случайный грузовик.

– Думаешь, Черт? – услышала Жанна мужские голоса за спиной.

– Нет, ангел с крыльями...

– У него выхода не было, силовики на хвосте сидят, базу «прослушки» накрыли, а еще два хлопча Шамана в следственном изоляторе маются, пятки у Черта горят. Вздумал первых лиц губернии прослушивать, а потом еще их и шантажировал. Жучара редкий.

– И снова вышел сухой из воды, а у Шамана двое детей.

– Паша знал, на кого работал, за бабки продался с потрохами, а какой классный ментяра был. Резонансные преступления на раз раскрывал.

Жанна обернулась и сразу узнала одного из заместителей губернатора Задорожья и начальника Горжилуправления. Оба смутились, увидев Громовик, их состоявшийся разговор явно не для прессы. Жанну боялись, бывших журналистов не бывает, а нынешних пиарщиков лучше десятой дорогой обходить.

– Здрасьте, – расшаркались оба.

– Здравствуйте.

– Скорбим, Жанночка, скорбим. Жизнь коротка. Вот, пришли Павла в последний путь проводить.

– Да, в корпорации его ценили, – поддержала из вежливости разговор пиарщица.

Веня Зюскинд позвонил, как всегда, не вовремя. Он подробно расспросил Громовик, как проходят похороны, кто что говорил, вручила ли Жанна венок, и невзначай поинтересовался, вспоминали присутствующие имя самого Черткова или нет? Жанна решила мужиков не сдавать и успокоила Веника, мол, похороны проходят чинно, благородно. Помощник олигарха остался доволен полученной информацией.

Музыканты выстроились в ряд, родственники наклонились над усопшими. Последнее прощание перед дальней дорогой, в пункт назначения, откуда никто еще не возвратился. Плач громкий, неконтролируемый. Приготовлены гвозди и молотки, сейчас сотрудники ритуальной службы закроют крышки гробов, и больше никто не увидит восковые, неподвижные лица Паши и Нади.

Легкое дуновение ветра, еле уловимый запах ладана, она парила в воздухе, чтобы в последний раз увидеть свое, изуродованное после аварии, тело. Надя, это я, твоя душа и маленькая душа твоей доченьки. Мы пришли попрощаться с тобой. Родственники ахнули, на краешек гроба у изголовья покойной девушки сели две белые бабочки, одна огромная, а вторая крохотная. Большая бабочка высунула свой длинный хоботок, и ладаном запахло еще сильнее.

– Гоните их, – прошептал работник ритуальной службы на ухо мужу погибшей медсестры.

– Не трогайте, это последние светлые мгновения для моей жены, пусть она запомнит этот мир таким, полным белых бабочек, – ответил тот, и по его небритым щекам покатались слезы.

Бабочки одна за другой, как будто в замедленном кинофильме, грациозно взлетели и снова приземлились, но только теперь на лицо Надиному мужу. От неожиданности тот потерял способность двигаться.

– Не плачь, у тебя еще будет семья, родится ребенок, – шептала большая бабочка, целуя любимого мужа нежно хоботком, – А мы с дочкой будем вашими ангелами-хранителями там, на небе.

Надин муж зашатался и рухнул в обморок.

– Врача, скорей врача! – закричали люди. За минуту пострадавшего возвратили в реальность. От нашатырного спирта он пришел в себя и напугал окружающих.

– Она сказала, что у меня будет ребенок?

– Кто? – поинтересовался врач.

– Надя, она теперь ангел.

– Значит так, укол, причем срочно, – заявил доктор и, не раздумывая, сделал двойную дозу транквилизатора.

Жанна стояла в сторонке, возле детской площадки и смотрела на происходящее с тревогой, ее сердце учащенно стучало, заглушая голос разума. В женской душе бушевали эмоции. Какой ужас, хоронить родных, дорогих твоему сердцу людей, подумала Громовик. Невыносимо!

– Дура, зачем ты пошла к нему в корпорацию работать?

– Что вы говорите? – Жанна оглянулась, рядом никого.

- Венок от Черта принесла, жаль мне тебя. Он уничтожит тебя.
- Вы кто? – прошептала пересохшими губами пиарщица, чувствуя, что постепенно сходит с ума.
- Тот, кого ты хоронишь!
- Врача, мне нужен врач, – закричала истошно Жанна, прислонившись к дереву. К ней поспешил пожилой мужчина в белом халате, врач скорой помощи. Он схватил ее руку и нащупал слабый пульс.
- Что плохо? – поинтересовался доктор.
- Я слышу голоса. Представляете? Со мной такое впервые.
- Знакомый диагноз. Надеюсь, голос вам не сказал, что он ангел?
- Нет, он сказал, что я дура.
- Явное преувеличение, вы – молодая, здоровая женщина. У меня есть эффективное средство от неизвестных голосов, сделаем, дорогуша, вам хороший укол. И вас успокоим.

В фонде только девушки

Накануне Веня Зюскинд обзвонил всех работников благотворительного фонда. Кандидатуру каждого он согласовал лично с Александром Евгеньевичем Чертковым. Коллектив получился маленький, но мобильный. В новый отремонтированный офис в центре города все пришли без опоздания, как и договаривались, ровно в десять утра. Знакомиться не пришлось, участники нового благотворительного проекта давно и хорошо знали друг друга.

Она светила от собственной значимости и счастья, директор благотворительного фонда Раиса Николаевна Гавкало, шестидесятилетняя женщина с повышенным давлением, непомерным самолюбием и огромным опытом работы в социальной сфере. Семьи у Раисы Николаевны никогда не было, поэтому она подходящая кандидатура, чтобы обогреть нерастраченным материнским теплом страждущих горожан, будущих участников грандиозного благотворительного проекта. Личный прием доверили Людмиле Петровне Работяговой, врожденная интеллигентность которой с первых минут общения больно ударила по самолюбию директора фонда. Раиса Николаевна сама претендовала на роль «Мисс Интеллигентность». Менеджер Наталья Зотова, по совместительству работала в корпорации «Родненькая». Пунктуальность и обязательность – ее визитная карточка. Она – глаза и уши Зюскинда. Таня Большая, внешне напоминала Дюймовочку, на самом деле имела врожденную акулю хватку в делах, поэтому главному менеджеру поручили заниматься организационной деятельностью фонда: проводить мероприятия, различные социальные акции. Жанне Громовик досталась должность PR-директора, со всеми вытекающими последствиями. Она призвана создать красочный, благотворительный миф, рекламировать и продвигать новый проект господина Черткова. Да, да, именно проект! Громовик сразу догадалась – благотворительный фонд лишь инструмент в креативных планах олигарха. Окинув работников фонда пронизательным взглядом, Вениамин Зюскинд толкнул идеологическую речь:

– В фонде, как я посмотрю, только девушки, – присутствующие дружно засмеялись. – Такого социального проекта еще не было в Задорожье, мы перевернем представление горожан о благотворительности, наша главная задача – объединить крупный бизнес для решения насущных проблем задорожцев.

– Вениамин, позвольте узнать, как наш фонд называется? – поинтересовалась директор Раиса Николаевна.

– Родня Задорожья!

– Как-как??? Лично мне не нравится, а вам? – обратилась директор за поддержкой к подчиненным.

– Родня! Мы помогаем каждому, как родственнику. Горожане Задорожья – одна дружная семья, – Громовик стала вслух проговаривать идеологическую составляющую, которая, по ее мнению, должна быть заложена в названии благотворительного фонда.

– Очень хорошо, – обрадовался Зюскинд.

– А я категорически, слышите, Вениамин, категорически против такого названия, как «Родня Задорожья»!!! Богатые люди делятся финансовыми средствами с нищими и больными, какая семья? Курам на смех. Необходимо солидное название: «Возрождение Губернии», «Для будущих поколений», – Раиса Николаевна не могла себя представить предводителем заурядной «Родни».

– Дорогая Раиса Николаевна, Александр Чертков уже принял решение по названию фонда и оно обсуждению не подлежит, – на самом деле, Зюскинд хотел сказать: «заткнись старая корова, тебе хорошие деньги платят, чтобы ты работала, а не умничала здесь».

Старая корова имела рога, поэтому публично бодалась. Нападая на других людей, она чувствовала себя значимой, особенно в окружении потенциальных зрителей, они же подчиненные.

– Что значит, обсуждению не подлежит? Как назовешь «Титаник», так он и поплывет, – работники фонда захихикали. – Я хотела сказать «корабль», – на лице Раисы Николаевны выступили характерные красные пятна, начало подниматься давление.

– Мы вернемся к вопросу названия фонда чуть позже, дорогая Раиса Николаевна, а сейчас давайте отпразднуем это грандиозное событие, открытие в городе Задорожье благотворительного фонда, – с выражением всезнайки сказал Зюскинд. Он, как фокусник, нырнул под офисный стол и достал тяжелый ящик с шампанским. Под аплодисменты сотрудниц фонда Веник откупорил первую бутылку и с гордостью произнес:

– Шампанское «Райское», вчера только сошло с конвейера. Шик!!! Сегодня наша корпорация презентует игристое обществу.

– А я думала, корпорация «Родненькая» выпускает сугубо мужские напитки, – высказалась Таня Большая.

– Александр Евгеньевич о вас, девушки, тоже помнит. Водка «Родненькая» и шампанское «Райское» сделаны по уникальной технологии – на живой, мистической воде. Пейте, пейте родные на здоровье!

– В чем разница, не пойму? Спирт любую структуру уничтожит! – боднула Зюскинда директорша фонда.

– А разница, Раиса Николаевна, в рекламе. «Живая вода», как звучит? Пьешь, и пить хочется, – улыбнулась Жанна.

– Зачем врать? Скажите честно – наша водка самая лучшая, а то «Живая вода»... Чушь! – возмутилась Раиса Гавкало.

Веня Зюскинд почувствовал, еще пару минут, и он непременно метнет в умную тетку чем-то, ну очень тяжелым. Помощник Черткова взял Жанну под локоток и вывел пиарщицу на порог офисного здания, чтобы откровенно почирикать с ней о насущных благотворительных делах.

– Ну, Рая – это пережитки Советского Союза в чистом виде, с ней будет тяжело работать, она все воспринимает буквально, – констатировала Громовик.

– Я все вижу, Жанна, уволим со временем. Пока она нам нужна, необходимо сформировать базу данных, подтянуть общественные организации в фонд, у Раи связи в социальной сфере, проект масштабный, – буркнул недовольно Веник.

– Ясно.

– Александр Евгеньевич хочет видеть результат, он не любит болтовню и людей из прошлого, он человек системный, исповедующий новейшие технологии. Так что, тетя Рая надолго не задержится, временная фигура на шахматной доске. Жанна, ты готова работать по двадцать четыре часа в сутки, у тебя есть идеи, масштабные пиар-проекты? Нужно очень быстро раскрутить благотворительный фонд.

– Все будет зависеть от финансовой составляющей, – рассуждала Жанна.

– Попала в десятку, Чертков хочет объединить самых богатых людей в нашем регионе. Это принципиально. Тотальное освещение в средствах массовой информации социальных акций. Будем устанавливать детские площадки, помогать детским домам, финансировать крупные городские мероприятия. Нам необходима абсолютная лояльность горожан. Узнаваемость. Раскрутку благотворительного фонда «Родня Задорожья» откатаем, как бизнес-процессы, как торговую марку «Родненькая». Технология отработана. Александр Евгеньевич жаждет результата. Он дал на первичную раскрутку фонда три месяца, чтобы через девяносто дней каждый десятый горожанин знал, а главное – доверял его «родне».

– Зюскинд, скажи честно, это политический проект? Сначала фонд, потом общественная организация, а затем партия. Своя партия?

– Свой президент Украины!

– Шутишь?

– Знаешь, Громовик, я всегда говорил – Чертков гений. Все болтают, а он действует. Чертков объединит бизнесменов нашей губернии и сделает шикарный политический проект. За два года Задорожье на уши поставит. Он станет серым кардиналом, рефери, главным сначала в регионе, а потом... К нему на поклон приползет сам бургомистр. Нужно в городе важное мероприятие провести, у кого деньги? У Черткова. Если в фонде объединить двадцать толсто-сумов, представляешь, какие деньжища получатся?

– Значит так, мой друг Зюскинд, я вне игры, этот проект не для меня. Я слово себе дала – в политику ни ногой, там столько фекалий, в последний раз еле выплыла.

– Громовик, обратного хода нет.

Разговор двух пиарщиков прервался, на порог офиса вышли покурить Наташка Зотова и Таня Большая. Зюскинд улучил момент и смылся, очень ему не хотелось продолжать неудачно начатый разговор с Жанной...

Тихая офисная жизнь работниц фонда закончилась на его презентации. На следующий день девушки, как заведенные, бегали по городу, решая организационные задачи повышенной сложности. Александр Чертков решил провести губернский бал. И чхать он хотел, что лето – это сезон отпусков, а в концертном зале имени Глинки проходит конкурс молодых пианистов. Таня Большая, главный менеджер фонда, подросла в глазах сотрудниц сразу на десять сантиметров, когда ей удалось перенести заключительный концерт «Виртуозы Задорожья» в необорудованный для классической музыки районный дворец культуры.

– Ну, Дюймовочка, ты даешь! – искренне восхищались сотрудницы фонда. И только главная Гавкало по-старушечьи бурчала, что нечего прихоти водочного олигарха исполнять, а то завтра он захочет, чтобы летом в Задорожье снег пошел! Как в воду директорша смотрела. Захотел.

Наступило хмурое завтра. После совета директоров корпорации «Родненькая» должно состояться совещание администрации благотворительного фонда «Родня Задорожья». Совет директоров затянулся на сорок минут. Раиса Николаевна, Зюскинд и Жанна Громовик выпили уже по три чашки ароматного, фирменного кофе. Они томились в приемной, секретарша любезничала и всячески пыталась развлечь представителей фонда, ожидающих аудиенции. Охранники кофе не пили, не положено. Они угрюмо читали прессу на отдельном диване. И прислушивались к фальцету, звучащему угрожающе за дверью.

Шеф распекал подчиненных, явление привычное для корпорации «Родненькая». Сотрудники для Черткова из «родненьких» превращались в «гаденьких». Процедура болезненная и финансово убыточная: сначала тебе обещают большую зарплату, а потом безжалостно штрафуют. Крик за дверью усилился. Раиса Николаевна наклонилась к сидящей рядом Жанне и как заговорщица прошептала: «С ним нельзя спорить. Чуть что – молчи. Я знаю, как с ним разговаривать. Это же Чертков!». Еще через двадцать минут мокрые, как гуси директора корпорации с поникшими головами вышли из кабинета Черта. Странно, подумала Громовик, оттуда веет холодом, как из холодильника, отличная сплит-система, а пиджаки директоров – хоть выкручивай. Видимо, против сатанинской энергетики Черткова климатическая техника бессильна.

После совещания олигарх закрылся в комнате отдыха. «Босс взял паузу еще на десять минут», – торжественно объявила секретарша Александра Евгеньевича. Она стала оперативно выносить цветы из кабинета, к процессу подключив доблестных охранников. Дорогие растения как будто высохли на корню. Листья безвольно свисали с керамических горшков. Из офисных цветов выпили жизненную энергию.

– Цветы, дорогуша, необходимо поливать! – сделала замечание секретарше Раиса Николаевна.

– Я их просто забыла убрать перед советом директоров, с ними так всегда. После совещания цветы умирают. Я сегодня утром их поливала, они выглядели прекрасно, – оправдывалась большеглазая и полногрудая секретарша.

– Значит, плохо поливала, нужно следить за растениями, – отчитала ее Гавкало, не зная куда девать нерастраченную материнскую строгость в воспитании подрастающего поколения смазливых секретарш.

Ровно через десять минут сотрудников фонда пригласили в кабинет. Жанна впервые оказалась в логове настоящего олигарха. Стеклянные стены из тонированных окон, дорогая светло-желтая кожаная современная мебель, гигантская плазма, белый ноутбук последнего поколения, клейменный надкушенным яблоком на лакированном корпусе.

Александр Чертков поздоровался, оценивающе посмотрел на пчелок собственного, нового, грандиозного проекта, которым предстоит цистернами мед для него добывать. Жанна и Раиса Николаевна в свою очередь с большим интересом рассматривали человека, который за последние два года стал самой обсуждаемой фигурой городского бомонда.

Мужчина до сорока лет, невысокого роста, прекрасно сложен, видимо регулярно занимается спортом, маленькие зеленые глаза, короткая стрижка, дорогой костюм, белая рубашка, без галстука, запредельной стоимости часы, шикарная обувь, которой не ведома нищета и несовершенство городского асфальта. Глянцевый вариант, наверное, именно так выглядят обыкновенные украинские олигархи. Громовик многое слышала о Черте и его экстравагантных выходках, но только сейчас его увидела впервые.

– Сразу перейдем к делу, расскажите мне кратко, Раиса Николаевна, сценарий губернского бала.

– Бал мы проводим в концертном зале имени Глинки. Представляете, Александр Евгеньевич, во дворце, оказывается, проходил музыкальный конкурс, но мы смогли перенести его...

– Мне это не интересно! Начнем с того места, когда гости заходят на бал и... Кто их встречает?

– Конечно же, я, директор благотворительного фонда «Родня Задорожья».

– Их встречают мимы, записывайте, Раиса Николаевна. И девушки в костюмах фей, которые разносят «Райское» шампанское. В фойе, у входа в зал играет симфонический оркестр.

– В коридоре играет симфонический оркестр? Это музыканты, это лауреаты международных конкурсов!!! Позвольте, Александр Евгеньевич!

– Заплатим им хороший гонорар, и ваши лауреаты, Раиса Николаевна, не то, что играть, танцевать вприпрыжку будут. Какие артисты приглашены на бал?

– Всеволод Задунайский, – выпалила Раиса Гавкало и гордо подняла двойной, морщинистый подбородок.

Бывший любовник директрисы играл в драматическом театре дона Хуана, а в свободное время пел на свадьбах и корпоративных вечеринках. Примадонна социальной сферы решила помочь ему подзаработать, любовник он стоящий. Почему нет?

– Ваш Задунайский – это худший Хуан из Хуанов, конченный алкоголик. На бал придут известные люди губернии и кого они там увидят? Дядю с красным носом, фальшиво исполняющего хит всех времен и народов «Белые розы»?

– Что вы такое говорите, Александр Евгеньевич? Задунайский – заслуженный артист.

– Артист, который петь не умеет. Пригласим Колю Баскова.

– Но это страшно дорого! – возразила Раиса Николаевна.

– На Баскова придут, а на Задунайского – нет, – впервые за время встречи подал голос Вениамин Зюскинд, который наблюдал за словесной дуэлью Черткова и Раисы Гавкало. «Нашла с кем спорить, старая корова», – подумал помощник олигарха.

– Значит, так. На бал пригласить Колю, золотой голос России.

– А если у него гастроли? – вставила пять копеек Жанна.

– А у нас бал, губернский, если кто-то еще не понял. Вместо Задунайского поет Басков и точка, – Чертков почувствовал, что начал раздражаться, но старался сдерживать себя. – А так как бал благотворительный, проведем аукцион, выставим на продажу поделки из детского дома и пару лотов знаменитостей. Что, у нас в Украине своих Басковых нет? Шева мяч футбольный подпишет, Виталик Кличко – боксерские перчатки.

– Бал через неделю, как мы успеем лоты подготовить? Мы и так работаем по двенадцать часов в сутки, девочки с ног падают, – чуть не плача заныла Раиса Николаевна.

– Работайте эффективней, тогда успеете. Теперь средства массовой информации. Я хочу, чтобы губернский бал освещали все телеканалы, газеты, интернет-ресурсы. Проведя аукцион, мы соберем деньги, добавим недостающую сумму и приобретем для детей необходимое медицинское оборудование. Жанна, подумайте, какое оборудование и в какую больницу. Это должна быть масштабная социальная акция. Местные газеты на первой полосе, подчеркиваю – на первой, должны пестреть заголовками «Родня Задорожья – для наших детей».

– Александр Евгеньевич, я не понимаю, у нас благотворительный фонд или какая-то пиар-акция, – сказала Раиса Николаевна и тут же прикусила язык, явно сболтнув лишнего.

– У нас? У нас, Раиса Николаевна, благотворительный фонд «Родня Задорожья», а у вас? Или вы хотите вложить свои деньги в благотворительную деятельность? Сколько лично вы готовы потратить на помощь детям Задорожья? Раздать деньги – много ума не надо. Причем, замечу, чужие деньги. А я хочу их эффективно потратить, привлечь в фонд бизнесменов, – тоном властелина и благодетеля города произнес Александр Чертков.

– Я все поняла, я все поняла, – твердила, как заклинание Раиса Николаевна и покорно наклонила свою седую голову, кровные тратить на благотворительные акции она точно не собиралась.

Веня Зюскинд увидел, как у Черта раздуваются ноздри, словно капюшон у змеи, поэтому он решил срочно защитить нервную систему шефа от перегрева.

– Александр Евгеньевич, мы все сделаем, у меня в Москве есть знакомый, он дружит с продюсером Баскова, Коля будет петь у нас на балу, я помогу Раисе Николаевне. Жанна Громовик опытная пиарщица, она сделает освещение в задорожских СМИ по высшему разряду. Нам все ясно, будем идти работать и еще раз работать, нужно все успеть, – Зюскинд жестом показал Жанне и Раисе Николаевне на дверь.

Они и сами почувствовали – пора и честь знать. Встали с насиженных комфортных кресел и направились к выходу.

– Да, и еще. Раиса Николаевна, я хочу, чтобы в конце бала пошел снег, – добил уползающую из его кабинета директоршу господин Чертков.

– На улице, в июне месяце?

– А что, вас что-то смущает?

– Нет, – запнулась пожилая женщина, начинающая осознавать, что в действительности означает слово «хозяин».

Переступив порог хозяйского кабинета, Раиса Николаевна попросила у секретарши вальерьянки. Початый пузырек стоял у нее прямо на столе и был наполовину пуст. Секретарша со знанием дела накапала двадцать капель.

– Хватит?

– Еще столько же, – взмолилась Гавкало, ее знобило, как при высокой температуре. Вирус абсолютной вседозволенности пробил броню ее самолюбия.

– Где мы возьмем снег, когда на улице лето? – спросила Раиса Николаевна у пиарщицы фонда.

– Он пошутил, – успокоила та.

– Я так не думаю. На всякий случай закажем искусственный снег. Есть специальная установка. Горожане будут покидать бал поздним вечером, выйдут на улицу, а там – снег. Креативненько!!! – раскраснелась Гавкало.

– И дед Мороз под елкой кальян курит, в окружении веселых, прыгающих зайчиков, – не сдержалась Жанна Громовик.

– Дед Мороз и зайцы лишние, – серьезно отреагировал Веня Зюскинд, который, как никто, знал крутой нрав олигарха.

Не хлебом единым

Борис Борисович Шарапов на однофамильца из популярного кинофильма «Место встречи изменить нельзя» не похож. Он полный антипод. Небольшого роста, худенький, в очках, типичный отличник, которого обижали одноклассники в школе. Когда Боря вырос, то понял – деньги, вот эквивалент настоящего счастья и власти над людьми. Есть деньги, есть уважение и любовь окружающих. Маленький мужчина в большой бронированной машине так же сексуален, как Андрей Шевченко на футбольном поле во время чемпионата мира. Женщины смотрят на него с особым вождением, хотя ничего не понимают в футболе. Не на футбол же они, в самом деле, смотрят! Большие деньги – большое вождение.

Маленький Боря стал большим Борис Борисычем, когда его капитал перерос сумму в миллион долларов. Хлебный бизнес процветал, Шарапов его постепенно расширял, в Задорожье он построил производственные цеха, где лепили пельмени и вареники новые, умные машины. Борис Борисович жестко теснил конкурентов: не раз в их продукции находились мышинные хвостики, пряди женских волос, а последняя находка и вовсе взбудоражила город.

Пенсионер Иван Иванович Лютиков нашел в пельмене резиновое изделие, если бы в упаковке! Во время семейных посиделок презерватив, наполненный семенной жидкостью, треснул у Ивана Ивановича во рту, скомпрометировав ветерана перед взрослыми внуками за праздничным ужином.

На пресс-конференции, которую организовало «Управление по делам потребителей Задорожья», Иван Иванович кричал так, как будто от одного укуса пельменя мог серьезно забеременеть, и что самое страшное – черт знает от кого.

Извращенца не поймали, зато продукция конкурентов перестала пользоваться спросом у горожан. Журналисты в освещении инцидента проявили небывалую активность, Борис Борисович за жесткую критику в адрес конкурирующей торговой марки щедро им заплатил. Он любил учиться, читал умные книги по черному пиару, общался с деловыми людьми, набирался опыта. Мечтал о новых бизнес-горизонтах, в пищевой сфере Шарапов достиг финансового потолка, остальные бизнес-ниши в Задорожье оказались заняты.

Остались проституция, и то частично, наркотики, оружие. Провокационные мысли периодически сверлили расчетливый мозг Бориса Борисовича, бродили его потаенными извилинами, но он никак не мог переступить черту. Жена, двое очаровательных детей живут в Задорожье. В родном городе его деловая репутация, по мнению местных акул пера, белая и пушистая. Грехи, конечно, имеются. Бизнес-среда агрессивна и коварна, в ней выживает сильнейший, кто способен на отчаянные поступки и умеет не оглядываться назад. Борис Борисович научился смотреть только вперед, видеть цель и не замечать препятствий. Звонок Черткова нарушил четкий распорядок его дня, который Шарапов строго соблюдал. Черт предложил ему срочно встретиться в «Филине».

«Филин» – небольшой ночной клуб на берегу Днепра, открытая площадка, причал. Больших денег клуб не приносил, но являлся любимым детищем Бориса, здесь он забывал о бизнесе и семье, знакомился с девушками и отрывался до утра. Очень удобно, жене Шарапов говорил, что контролирует доходы клуба, а сам раз в неделю тешил мужское самолюбие с очередной смазливой студенткой в специально оборудованной комнате, которая у его друзей пользовалась огромным спросом.

Черт на встречу в «Филин» опаздывал. Боря грыз ногти, старая привычка напомнила о себе. Успешный бизнесмен нервничал, пил крепкий кофе без сахара и наблюдал за белым катером, который перевозил горожан с правого берега на левый. Шарапов давно мечтал о красивом катере, он не раз представлял, как причалит к берегу, выйдет на причал, где расположена летняя площадка его клуба. Ух, все девки его!

- День добрый, – Чертков протянул Шарапову руку.
- Садись. Кофе, чай?
- Водки холодной и хорошей закуски. Боря, есть серьезный разговор.

Шарапов встрепенулся, он почувствовал – запахло деньгами. Через пять минут на столе красовалась бутылка охлажденной «Родненькой» в окружении мясной нарезки, овощей, селедки, бутербродов с черной икрой. Они выпили, закусили, породнились, холодная водка в жаркий день хорошо пошла. После второй рюмки у них появились точки соприкосновения, после третьей – общее важное дело.

– Боря, посмотри, кто руководит городом? Старперы. Я хотел землю для строительства теннисных кортов взять – не дали, суки! Взятку такую заломили, ни одна теннисная школа не окупится. С промышленных отвалов согнали, там столько денег! Как вспомню, жить не хочется... Ты мусорный завод хотел построить – дуля с маком. У нас есть бабки, власти нет. Мне надоело за каждый чих в этом городе платить.

- Тема понятна. Саня, что ты предлагаешь?
- Нам в городском совете необходимо большинство, свои депутаты, свой мэр.
- Копейка никогда под нашу дудку плясать не будет, его индусы кормят, – категорично заявил Шарапов.

Индусами в Задорожье называли мафиозную группировку, которой удалось завладеть не только промышленным потенциалом региона (индусы являлись собственниками крупных промышленных гигантов), но и создать свой банк, через который подконтрольный мэр, Иван Григорьевич Копейка, направлял все муниципальные платежи, проводил важные бюджетные операции. Среди бизнесменов существовала негласная установка: хочешь в горисполкоме получить разрешение на любой вид деятельности, имей дело только с «Indust-Bank» структурой. Собственный телеканал, пару газет и множественные интернет-ресурсы выставляли индусов героями, которые всеми силами борются за процветание родной губернии.

Схема борьбы проста, надежна и в какой-то степени законна. Если у Задорожья на горизонте появлялись финансовые проблемы, а они регулярно возникали, например, с началом отопительного сезона, под залог в «Indust-Bank» отдавали коммунальную собственность, районные дворцы культуры, пустующие детские сады, участки земли в центре города. Со временем городская собственность перекочевывала в собственность банка. Индусы богатели, город нищал.

Борис Шарапов и Александр Чертков для индусов чужаки. Они появились в бизнес-среде Задорожья, когда система отъема денег у городской громады отлажено работала. Работала, как фирменные швейцарские часы. За все уплачено, милиция прикормлена, прокуроры на зарплате, в Киев регулярно идут отчисления. Денежный кругооборот – надежная страховка для индусов, надежней не бывает. Индустриальные боги чувствовали себя, как рыба в мутной воде. Не замечая, что мелкая рыбка подросла, расправила акульки плавники и готова устроить серьезный передел в их городской среде обитания.

– Воевать против индусов я не буду, они мне голову отобьют. У меня семья, это ты у нас холостой и неженатый! Давай, Саша, выпьем еще водки и разойдемся. Я думал, у тебя дело, а ты так, поговорить...

– Боря, слушай меня внимательно. Пройдет время, индусы сожрут твой и мой бизнес за один укус. С каждым годом они становятся сильнее. Подгорный где, со своей минеральной водой, Стас Рыженький отдал им сеть своих супермаркетов за гроши. Неужели ты, Боря, не видишь, что в городе происходит? Думаешь, здесь, в «Филине», отсидеться? Неужели смазливые студентки – это пик твоих возможностей и желаний?!

– Не дави на меня, Александр!

– Я давлю? Ты просто еще не побывал в объятиях индусов, они пока тебя не трогают. Пока!!! Кто Пашу Шамана завалил? Он знал о них все.

– Это правда, что ты всех прослушивал в нашем городе, и мэра тоже?

– У меня корпоративная прослушка, я крыс вычисляю, которые приходят работать, а потом сливают информацию конкурентам. Шаман кое-кого слушал, но только в целях безопасности нашей корпорации.

Рюмка водки неожиданно перевернулась, и «Родненькая», горькая, охлажденная разлилась по столу. Это самое большое, что смог сделать Паша Шаман, который с самого начала разговора двух бизнесменов невидимо присутствовал за столиком. Он, третий, для которого рюмку водки больше никогда не выставят на столе, он – «нечто», затерявшееся между мирами живых и мертвых.

Шарапов позвал новенькую официантку, смазливая студентка вытерла стол, принесла крепкий ароматный кофе. В «Филине» всегда подавали стоящий кофе.

– Твоя девка? – поинтересовался Александр Чертков.

– Будет моя, первый день работает, – довольно процедил сквозь редкие зубы Боря.

– Послушай, Боря, и эта девочка и много других девок в этом городе будут твоими. Но если у тебя отберут бизнес, а я, как понимаешь, не просто так говорю... Не зря Паша Шаман кое-кого в этом городе слушал. Твоя жизнь мгновенно изменится, тебе детей нечем будет кормить. Стас Рыженький на рынок с авоськами ходит, мой охранник его в выходной видел. Жалкий такой, небритый. Он у индусов кредит взял, сейчас отдает. Стас, который на белом кабриолете по проспекту разъезжал, он сегодня нищий. Наш Стасик, с которым мы от души зажигали, помнишь Куршевель? Стас – нищий!!!

Слово «нищий» для Бориса Шарапова сработало, как детонатор его болезненного от природы воображения, он вдруг представил себя с авоськами на городском рынке, сутулого и голодного, заняло сердце. Борис вспомнил о жене и детях.

– Да, индусы сволочи. Думаешь, я у них в планах? Хотят отобрать мой бизнес?

– Я не думаю, а точно знаю!

Бумажная белая салфетка, расправив ровный квадрат, парила в воздухе, словно бабочка. Она зависла над столом. Два бизнесмена от неожиданности оторопели. Они, как замороженные, смотрели на необъяснимое явление, ветер отсутствует, душно, жарко, а салфетка парит, словно перегрелась на солнце.

Паша Шаман делал Борису из потустороннего мира знаки, как умел. Не доверяй Черту, он тобой манипулирует. Но Борис Борисович знаки судьбы считать не умел, поэтому он схватил салфетку, смял и выбросил под стол возбудительницу спокойствия.

– Борис, у тебя что, в «Филине» полтергейст завелся?

– Да чертовщина какая-то! Слушай, я понял, моему бизнесу угрожают «индусы». Что делать? Что делать, Саня? Я не хочу на рынок с авоськой ходить.

– Наконец-то, прозрел. Боря, я создал уникальный проект, благотворительный фонд «Родня Задорожья», у нас в запасе целых два года. За два года мы соберем под крышей фонда тех, кто имеет в Задорожье крупный бизнес и не связан с индусами.

– Таких наберется человек десять или пятнадцать.

– Взнос двадцать тысяч гривен с каждого, вместе сумма серьезная получается. Будем устанавливать детские площадки, проводить масштабные социальные акции.

– Ничего не понимаю, зачем бабки на ветер пускать? – Шарапов начинал злиться, он действительно не видел связи между индусами, которые угрожали его бизнесу и благотворительным фондом. Блажь какая-то!

– Если ты ничего не понял, а ты, Боря, башковитый парень, значит, индусы не догадаются. За два года работы благотворительного фонда мы накопим огромный социальный капитал. К нам будут обращаться люди за благотворительной помощью. Потом за решением их житейских, насущных вопросов. Каждый наш шаг широко освещается прессой. Мы открытая организация, нам нечего скрывать. В фонде учредителями будут бизнесмены, а в общественной организации

– рядовые граждане. Это городская, общественная мафия, которую мы возглавим. Если кого-то из родни обижают, все члены организации его дружно защищают. Мелким бизнесменам, простым людям крыша нужна. А мы, Боря, для них хорошая, надежная крыша! Они с нами в одной организации состоят. У меня есть мощная юридическая служба, если мои юристы не справятся, расширим штат. Ты понял?

– Да, – произнес обалдевший Борис Борисович.

– Индусы очухаются, когда у них под банком начнут проходить акции протеста. На выборах через два года в городском парламенте мы наберем шестьдесят процентов голосов. Хочешь стать мэром Задорожья?

– Ну, ты даешь! – изумился Шарапов.

– Сначала благотворительный фонд, затем общественная организация, а следующий этап – своя политическая партия! Представляешь, Боря?! Своя! Крутой проект, сначала применим в регионе, а затем – на территории всей страны. Ты мои амбиции знаешь!

– Ты хочешь стать президентом?

– Я хочу стать самым богатым и влиятельным человеком в этой стране. Моя фотография будет висеть на самом видном месте в кабинетах государственных чиновников. Или твое фото, Боря. Цель есть, механизм определен. Борис Борисович, вы со мной? Или ты хочешь ходить на рынок с авоськой за картошкой для своих очаровательных детей?

– Я с тобой, Саша!

– Давай на бочку двадцать тысяч гривен, на губернском балу я представлю тебя первым учредителем благотворительного фонда «Родня Задорожья». Окажешься в эпицентре внимания прессы.

– Саня, а ты?

– Я? Буду президентом, правда, пока только фонда. Ну что, ударили по рукам? – Чертков крепко пожал руку Борис Борисовичу.

– Черт, ты гений.

– Не ругайся, мы теперь с тобой одна команда, мы земные боги, черти остались в прошлом.

Павел Шаман кричал, крушил мебель, но ни один предмет не сдвинулся с места на летней площадке ночного клуба «Филин». Сил не было. Павлу хотелось умереть, но он уже мертв. Он фантом, призрак, он ничто.

Уходя из клуба, Александр Чертков прихватил с собой смазливую официантку. Он наврал доверчивой студентке о жестоких нравах, царящих в «Филине». Мол, наступит ночь, и ее заставят переспать с тем, на кого злой, безнравственный Борис Борисович указательным пальцем покажет. Студентка поверила, через сорок минут она лежала в постели с Чертковым, который любил жесткий секс и никаких обещаний. Еще через час студентку отвезли на машине представительского класса домой. Черт обещал позвонить, подарил ей ящик шампанского, водитель взял у нее номер телефона. Наивная студентка две недели не расставалась с трубой, ждала. Ей так никто и не позвонил, шампанское выпито с горя, деньги, отложенные на черный день, закончились, работу она потеряла.

Первый бал комом

– Здесь я – директор, я все решаю, без меня ничего не делать. За благотворительный бал отвечаю исключительно я, – твердила каждый день Раиса Николаевна своим сотрудницам.

Их попытки, что-либо сделать самостоятельно жестко пресекались. Процесс организации бала в зеркальном отображении напоминал работу Верховной Рады: много слов, суеты и никакого действия. Как выяснилось позже, Раиса Николаевна Гавкало абсолютно не обладала организаторскими способностями. Она затянула решение важных вопросов до начала благотворительного бала, а потом самоотверженно принялась искать виноватых. Единственная, кто наплевала на климактерические истерики Раисы, так это Таня Большая. Директор на нее с завидной регулярностью кричала, стучала ножками, грозила увольнением. А Таня договаривалась, согласовывала, и на свой страх и риск самостоятельно принимала решение. Она заручилась поддержкой Жанны и самоотверженно пыталась заполучить Николая Баскова на бал.

Коля находился в гастрольном туре, поэтому его продюсер категорически отказался от заманчивого предложения посетить Задорожье. Таня хотела найти равноценного артиста, но на пути бронированной грудью встала Раиса Николаевна. Она артистично соврала Тане Большой, что согласовала кандидатуру Всеволода Задунайского на участие в благотворительном мероприятии с самим Александром Евгеньевичем. Искренне удивилась этой новости Жанна, она помнила реакцию шефа на Хуана задорожского разлива, но спорить не стала, директору фонда необходимо доверять.

Помощи Зюскинда работницы фонда не почувствовали, помощник Черткова на телефонные звонки не отвечал, видимо, он занят более важными делами. Жанне Громовик удалось пригласить всю существующую в губернии прессу, журналистов телеканалов, газет, Интернет-ресурсов, причем, бесплатно, она радовалась этому обстоятельству как ребенок, написала отличный пресс-релиз.

Судный день настал. Мимы вяло раздавали цветы гостям бала, на улице свирепствовала невыносимая жара, в толстых синтетических трико мимы чувствовали себя как рыба, выброшенная на берег моря. Они тяжело дышали, на лицах расплавился грим, мимические существа скорее напоминали зверских убийц из зарубежного фильма «Крик», нежели гостеприимных мимов.

Вместо симфонического оркестра в фойе городского концертного зала имени Глинки две немолодые, умудренные классической музыкой, тетки играли на виолончелях в сопровождении акселерата-скрипача. Скрипач нервно отбрасывал жирную челку назад, но она назойливо лезла в глаза нескладного подростка, непроизвольно вошедшего в экстаз, спровоцированный музыкой великого, непревзойденного Баха. Жанна бессовестно спаивала представителей прессы «Райским» шампанским, в надежде на лояльное отношение к организации благотворительного бала. Она понимала – мероприятие провальное, и за это кто-то ответит.

Есть и объективные причины плохой организации первого благотворительного бала. Подобные по масштабу мероприятия в Задорожье еще никто не проводил, но для Александра Черткова этот справедливый довод – не аргумент. То ли еще будет – ой, ой, ой! Журналистов Жанна довела до нужной кондиции, после «Райского» они глазели на происходящее с довольными, раскрасневшимися лицами и с нетерпением ожидали самого главного виновника торжества.

Александр Чертков на благотворительный бал опоздал, он хотел насладиться величием созданного им проекта. Он мечтал увидеть в глазах бургомистра, губернатора, директоров крупных промышленных гигантов, известных в регионе представителей крупного бизнеса зависть и восторг. А увидел потекший на лицах мимов грим, скрипача с немой головой и сказочных фей, роль которых фальшиво исполняли две молодые официантки под предводи-

тельством главной феи благотворительного бала – буфетчицы из соседствующего с концертным залом бара. Ее костюм трещал по швам, макияж и прическа феи напоминали образ французской куртизанки прошлого века. Грузная рыжая бестия рукавом от сказочного костюма вытирала пот с красного лица и непринужденно улыбалась гостям, обнажая кривой ряд золотых зубных коронок.

Жанна настойчиво просила волонтеров, исполняющих роль вездесущих официантов не наливать больше шампанского главной фее, но им не удавалось пройти невидимками мимо любительницы райского напитка. Главная фея лакала «Райское», как воду, которой в жару много не бывает.

Александр Чертков увиденным остался недоволен, он аккумулировал гнев, но выплеснуть его сейчас в полной мере на подчиненных не мог, так как находился в центре пристального внимания.

– Что это такое? – спросил президент благотворительного фонда «Родня Задорожья» Александр Евгеньевич у его директора, взглядом показывая на нетрезвую фею.

– Райская фея, опьяненная этим грандиозным событием, благотворительным балом, который проводится в Задорожье впервые, а вот и пресса, Александр Евгеньевич! – отвлекала шефа от неприятного зрелища Раиса Николаевна.

Жанна Громовик подвела журналистов к Черткову. Пять камер, восемь корреспондентов, шесть фотоаппаратов. Черт собрался и сосредоточился.

– Александр Евгеньевич, скажите, пожалуйста, какова цель проведения этого мероприятия? – зазвенел голос молодой журналистки, чье лицо изуродовали крупные веснушки вперемешку с прыщами.

– Сегодня вы присутствуете при знаменательном событии. Впервые в Задорожье мы проводим благотворительный бал. Все средства от проданных билетов, от проведения аукциона, личные взносы бизнесменов пойдут на закупку куветов для новорожденных. Каждый ребенок имеет право на жизнь. Чужих детей не бывает, мы в ответе за тех, кто каждый день появляется на свет в нашем родном городе.

Жанна смотрела на шефа и удивлялась, час назад она отправила ему по электронной почте текст выступления, он не просто его прочитал, он его выучил. «Двенадцать баллов», – мысленно выставила пиарщица оценку за выступление. Пресса осталась довольна Чертковым, говорил он четко, по сути.

Торжественно зазвучали фанфары. Ведущие объявили о начале благотворительного бала. В большом зале, на втором этаже негде яблоку упасть, даже райскому. Мелкий бизнес и обычные граждане почтили своим вниманием незаурядное мероприятие. Градоначальник Задорожья на бал не явился, индусы перестраховались, нечего их мэру на мероприятии Черткова делать.

Выручил губернатор, киевский варяг оказался не в курсе задорожских закулисных игр. Он произнес помпезную речь и выставил на благотворительный аукцион собственный лот, футболку с надписью: «Я лучший друг губернатора». Желающих стать его другом среди горожан не оказалось, поэтому Александр Чертков за три тысячи долларов купил футболку шестидесятого размера, в которой свободно могли разместиться три Черта одновременно.

Борис Борисович Шарапов, прибывший на бал в окружении жены и детей, тоже успел поучаствовать в благотворительном аукционе, он приобрел шаманский бубен. Как потом выяснилось, шаманы тот бубен в глаза не видели, в руках не держали. Раиса Николаевна об аукционе вспомнила в последний момент. Как всегда! Она выхватила старый бубен у бабушки из симфонического оркестра, прицепила к бубну свою горжетку с лапками из чернобурки и нервно передала новый лот одному из ведущих бала. Ведущий в недоумении спросил у директора фонда:

– Что это, Раиса Николаевна?

- Бубен.
- А мех на кой?
- А шаман его знает.

Ведущий не растерялся, пустил странный лот, с лапками чернобурки в придачу с молотка. Версия, что бубен привезен с Байкала и принадлежит настоящему шаману, провинциальная публика восприняла «на ура». До официального окончания благотворительного бала старый подслеповатый музыкант, прихрамывая, ковылял за Раисой Николаевной, как Санчо Панса, за героем-победителем ветряных мельниц, и умолял вернуть ему музыкальный инструмент. Раиса Гавкало, от природы обделенная добротой Дон Кихота, приказала музыканту по пустякам ее не тревожить, после бала ему возвратят бубен. Она же не плачет по поводу чернобурки, которую дети Борис Борисыча без согласования с ней разорвали на две части и украсили лисьим мехом свои дорогие дизайнерские костюмы.

На третий лот выставили детские рисунки, которые за символические деньги купили горожане. Понимая, что аукцион грандиозного впечатления на гостей бала не произвел, Раиса Николаевна попросила ведущих срочно объявить танцы и сама вместе с Всеволодом Задунайским закурила в вальсе, вспоминая их совместное комсомольское прошлое.

Таня Большая и Наташа Зотова работали на износ, они суетились, бегали как белки в колесе, и колесо с большим скрипом, но вращалось. Задорожцы вальсировали плохо, опыта никакого, но зато много и с азартом пили «Райское» шампанское и радовались, как дети, что они, простые смертные, стали главными героями светской хроники. Не каждый день себя в телевизоре увидишь, а здесь посчастливилось стать участником настоящего бала.

Фея-буфетчица, женщина одинокая и некрасивая, после литра шампанского, шибанувшего ей хмельным кулаком в голову, выбежала на середину зала. Она предварительно завязала себе блузку под обвисшей грудью и, оголив поросычий, в три жирных складки, живот, вошла в полное противоречие с утвержденным самим Александром Евгеньевичем сценарием. Главная фея благотворительного бала под общие аплодисменты вспотевшей и возбужденной толпы изображала турецкую наложницу. Только буфетчице могло прийти в голову исполнить восточные танцы под классическую музыку. Неполный состав симфонического оркестра, обслуживавший светское мероприятие, встрепенулся от ужаса, когда после восточных танцев пьяная женщина под музыку великого Глинки перешла к исполнению пролетарского гопака. Репортеры навестили объективы фото- и видеокамер.

Жанна, делая вид, что тоже танцует, выбежала под обстрелом фотовспышек в центр танцевального зала, крепко взяла под локоть разбушевавшуюся буфетчицу и талантливо исполнила роль Змия искуителя.

- Пошли, у меня есть классный коньяк, тяпнем за праздник!

Фея мгновенно прореагировала на слова пиарщицы:

- Девочка, дэ ты раньше була? Щаз, тяпнем, та я такое вам спляшу!

Элитарностью на балу не пахло, зато пахло дешевыми, сладкими духами и вспотевшими телами. Жарко, кондиционеры в городском дворце не предусмотрены...

«Не для того здание строили, чтобы балы в стенах, где звучит музыка Баха и Бетховена, проводить», – повторял организаторам мероприятия директор концертного зала. Но даже он, бывший партийный функционер, в страшном сне не мог представить, чтобы на первом городском балу Задорожья престарелая фея, она же буфетчица по совместительству, изображала гопак с оголенным животом.

Директор хотел подзаработать, теперь-то он понял, что на балах экономить ни в коем случае нельзя. Простая, неотесанная буфетчица, переодевшись феей, никогда за оную не сойдет. Ему заплатили за фей, которых он обещал Раисе Николаевне нанять в драматическом театре, но слова директорского не сдержал. И вот, случился конфуз городского масштаба!

Поймав за руку, пробегающую на большой скорости Таню Большую, Александр Чертков прошипел ей на ухо, как змей Горыныч:

– Завтра вы мне ответите за этот цирк, который вы здесь устроили, а сейчас пусть Коля поет, хватит плясать!!! Звезду запускайте, это бал, а не банальная попойка!!! Давайте, я хочу видеть Баскова!

– Ага, – машинально ответила Таня, перебегая галопом к Раисе Николаевне.

Директриса в образе удава, заглотнувшего кролика, снизошла до Тани, небрежно выслушала ее птичью трескотню и с гордо поднятой головой отдала приказ.

– Задунайского на сцену!

– Он Колю Баскова хочет, вы говорили «все согласовано», – не унималась Таня Большая.

– Татьяна, идите и работайте. Я вам сказала, Задунайского на сцену.

Таня Большая догадалась, пахнет грандиозным скандалом. Ей нужна помощь, она судорожно искала Жанну и нашла ее в буфете. Пиарщица спаивала коньяком фею. Поклонница восточных танцев и гопака еще стояла на ногах и активно рвалась в зал, где звучала ее любимая классическая музыка.

– Жанна, ты представляешь, Гавкало, нас подставила, по полной программе. Чертков требует Колю Баскова, а она говорит – выпускай Задунайского. Рая с шефом ничего не согласовала. Ты понимаешь, что сейчас будет?

– Девочки, давайте выпьем! – предложила добродушно фея.

– Та помолчите вы, вы свое уже отговорили и оттанцевали! – разозлилась Таня.

– Не поняла?

Жанна налила фее очередную стопку коньяка и вручила ей соленый огурец в надежде, что буфетчица займет свой рот.

– Таня, выхода нет! Выпускай Задунайского на сцену и к Черту близко не подходи, иначе он тебя уволит под горячую руку. А завтра мы скажем, что Задунайский – это инициатива Раисы Николаевны. Поняла? Можешь рассчитывать на мою поддержку.

– Спасибо, Жанна. Ты – настоящий друг.

– Предлагаю снова выпить! – отозвалась фея.

– Слушай, Жанна, у тебя зарплаты не хватит, она ж пьет коньяк, как африканский слон, ведрами, – сказала Таня Большая и умчалась выпускать Задунайского на сцену.

Он вышел на большую, декорированную живыми цветами, сцену городского концертного зала с высоко поднятой головой, как Николай Басков. Деловито откашлялся, протянул к публике длинные, ухоженные руки, тонко намекая местным любителям высокого искусства, что пора артиста поприветствовать. Горожане, опьяневшие от «Райского», бурными аплодисментами поддержали человека в отутюженном зеленом пиджаке с черной бабочкой, туго завязанной на шее.

Чертков стоял спиной к сцене и мирно беседовал с Борисом о курсе доллара, валютное настроение которого, подобно капризной женщине, скачет то вверх, то вниз. Стабильности нет, нервы натянуты, как тетива тугого лука, так и хочется выстрелить острым словом в правительство, а попасть в самого гаранта конституции. Борис Борисович краем глаза глянул на сцену.

– Щаз-з-з споеет, – прокомментировал он мужика, купающегося в море аплодисментов.

– Басков порвет задорожцев на куски, Коля петь умеет.

На реплику Черткова Борис Борисович отреагировал неадекватно.

– И у этого фамилия Басков, надо же какое совпадение!

Александр Евгеньевич мило улыбнулся бизнес партнеру чертовски очаровательной улыбкой, без единой пломбы и намека на кариес. «Зубы свои или фарфоровые?» – подумал Борис Борисович. Коммерческая тайна. Все равно, главное эстетически красиво. Черту всегда есть что показать!

Он запел жалобно и протяжно: «Гори, гори, моя звезда-а-а». Чертков побагровел, Александр Евгеньевич обернулся, на сцене стояло жалкое подобие Баскова, тот самый худший из Хуанов, родившихся на задорожской земле – Всеволод Задунайский.

– Твою мать... – дальше последовала неперебиваемая, пулеметная очередь нецензурных слов и словосочетаний, Черткова лихорадило.

– Не Басков, – подлил масла в огонь Борис Борисович.

– Всех уволю, уроды, уроды конченные, – бушевал Черт.

Уроды, они же сотрудники благотворительного фонда «Родня Задорожья» забились в дальние углы концертного зала, так как понимали – после выхода Задунайского на сцену культурно с ними шеф разговаривать не будет.

«Гори, гори, моя звезда-а-а, звезда любви, приветная, умру ли я... и над могилой, гори, гори, моя звезда». Тишина, в зале погас свет. Феи, одна из которых еле держалась на ногах, поднесли свечи к сцене, нервные язычки пламени осветили страдающее лицо певца. Дон Хуан погрузился в пучину нечеловеческой тоски, его сердце билось в ритме музыкального такта. И только близкие, к которым причисляла себя и Раиса Николаевна, понимали, по ком трепещут голосовые связки Задунайского, так и не познавшего славы Вертинского, или на худой конец – Коли Баскова.

В момент кульминации песни под куполом дворца, где крепилась тяжелая хрустальная люстра, запорхало неземное создание. Серая, невзрачная пыль, сдуваемая крыльями бабочки с хрустальных сережек люстры, пеплом посыпала голову Всеволода Задунайского. Он закрыл глаза, вытянул правую руку вперед и почувствовал прикосновение, еле уловимое, как поцелуй солнечного луча в пасмурный, хмурый день. Задунайский осилил ноту «си» и наконец-то открыл глаза. На влажной от пота ладони сидела она, большая белая бабочка. Чудо, подумал певец, такой красивой бабочки я в жизни не видел. Ее крылья, как у птички колибри, завораживающе вибрировали на ладони. Задунайский вспомнил родную дочь, маленькой она любила ловить бабочек сачком.

– Зачем ты их ловишь и опять отпускаешь? – вспомнил разговор с дочкой Всеволод.

– У бабочек есть детки, я не хочу, чтобы они осиротели, – отвечала девочка.

Из глаз провинциального Дона Хуана, не контролирующего бурю собственных эмоций, брызнули слезы. Он запел так, как не пел никогда, он посвящал эту песню любимой дочери Наде, которая погибла в автомобильной катастрофе. Рана свежа, она кровоточит. Его любимая девочка, работавшая медицинской сестрой, больше никогда не придет ему на помощь. Больное сердце Всеволод Задунайский доверял только ей.

Александр Евгеньевич ускоренно перетирал в жерновах сознания варианты, кто и зачем пригласил отца погибшей медсестры на бал. «Индусы шантажируют! Задунайский на сцене – это намек, они все знают. Или просто старая Рая ослушалась... Да, первый бал комом», – расстроено подумал Черт.

Завершающие аккорды песни, пауза, аплодисменты. Буря аплодисментов спугнула бабочку, та взмыла под купол. Задунайский поклонился публике, вытер рукой остатки слез с лица и почувствовал еле уловимый запах ладана.

Благотворительный бал подходил к концу. Александр Чертков торжественно объявил присутствующим о вступлении в фонд «Родня Задорожья» Бориса Борисовича Шарапова, но горожане настолько устали, что появлению нового учредителя аплодировали только Раиса Николаевна, Таня Большая, Наташа Зотова и Жанна Громовик. Почти благотворительная «Виагра», если бы не Раиса Николаевна Гавкало с ее врожденным талантом испортить любой проект.

Черт покинул бал, не дождавшись сладкого, так и не оценив двухъярусный торт, что удался на славу кондитерам Задорожья. Александр Евгеньевич вышел на улицу, где его ожидала охрана и авто. Жара, духота, плохое настроение. Неожиданно жирной струей в его сторону

брызнул искусственный снег, забрызгав дорогой костюм олигарха. «Кончили быстро и некрасиво, завтра всех уволю», – поклялся Черт и, как фокусник, спрятался в черном автомобиле, который увез его в ночной клуб. Главный идеолог фонда «Родня Задорожья» неистово жаждал с новой девкой, собственной водкой, отключиться от благотворительных проблем и забыться.

Раиса Николаевна довольная вышла из укрытия и командным тоном сказала Наташе Зотовой, руководившей запуском аппарата, создающим искусственный снег:

– Успели Александру Евгеньевичу угодить. Он хотел снег летом, пожалуйста! Креативненько получилось!

Украинские индусы

В сауне спортивного клуба «Финиш» индусы собирались строго по пятницам, на протяжении пятнадцати лет. «Фотограф», по паспорту Олег Качалов, «Граф», в миру Игорь Графский, и «Зверь», он же Родион Павлович Хомяк. Их троицу в Задорожье прозвали «Святой». В 2006 году мафиозный клан индусов пребывает в зените власти. Каждый из них контролирует определенный сектор большой системы по выкачке денег из закров города. Граф руководит крупным банком, Фотограф создает липовые коммерческие фирмы, через которые отмываются финансовые бюджетные потоки, он официально работает в горисполкоме, а Зверь возглавляет Областное Управление Министерства Внутренних дел Задорожья. Цепочка крепкая, не разорвешь.

В белых простынях, прикрывающих нагие тела и мятых шапочках, спасающих головы от перегрева, они казались милыми отцами семейств, для которых бокал холодного пива – верх блаженства.

– Слышал, Граф, в Задорожье появились новые благотворители, – констатировал Родион Павлович Хомяк.

– Зверь, не нравится мне все это. Я Черта знаю, он просто так ничего не делает, задумал что-то малец. Но пока не пойму что. Он весь в кредитах, а деньги по ветру пускает. Не логично! Копейка вчера позвонил, спрашивал разрешение пойти на бал, я отказал. Губернатор пошел, надо было и ему позвонить, чтобы он мероприятие проигнорировал.

– Думаю, Чертков к власти рвется, хочет, чтобы его уважали, – поддержал разговор Фотограф.

– К власти... Пусть молоко на губах обсохнет. Власть в этом городе – это мы. Через тебя, Фотограф, в горисполкоме не перепрыгнешь, городские финансы контролирует Граф, а мне вся милиция в регионе подконтрольна, так кто здесь власть? – завелся Зверь, главный милиционер области эмоции не привык сдерживать.

– Шаратов в благотворительный фонд уже вступил, – сообщил подельникам Фотограф.

– Вот именно, но во ЧТО вступил, Борюся не подумал, – ухмыльнулся зло Зверь.

Родион Павлович знал, что Борис Шаратов приторговывает наркотой в ночном клубе «Филин». Не активно, но пробует торговать. Чуть что – Зверь знает, как приструнить Борю.

– Надо будет своего человечка в фонд запустить, посмотреть изнутри, что Черт затевает. Может, через фонд он собирается прокачивать денежные потоки? – предположил Игорь Графский.

– Граф, ты как всегда прав, причина резкого увлечения Черта благотворительностью – это деньги. Несомненно! Но мы пока не понимаем мотива, для чего создан фонд, и схемы прокачки денег. Не знаем, но узнаем, – деловито заявил Зверь.

Погоны, как волшебная банковская карточка, осуществляют любое желание хозяина. Получать информацию по первому требованию и жестко контролировать процессы, влияющие на жизнедеятельность родного города.

Дверь сауны со скрипом приоткрылась, только одному человеку в Задорожье позволено врываться без стука и приглашения в логово к индусам. Банщик просунул в щель часть своей лисьей мордочки, заскулил, демонстрируя холуйскую улыбку, в которой недоставало двух передних зубов. В прошлый раз Зверь, недовольный качеством обслуживания, проучил холопа, а потом дал денег на новые зубы. Банщик их вставить еще не успел.

– Девочки прибыли! Сюда вести?

– Дурья твоя голова, они что, париться сюда пришли?! Пусть ждут, – возмутился Фотограф.

– Понял.

Голова банщика исчезла. Через полчаса Зверь с Фотографом продолжили процедуру расслабления, но уже вместе с девочками, Граф услышал характерный смешок за дверью. Его всегда раздражал дешевый смех проституток. Он остался париться, ибо любил баню больше, чем девок – первые слабые проявления надвигающейся мужской зрелости.

Сильный пар выедал глаза, Игорь Графский выпаривал свои негативные эмоции, которые до банной пятницы грызли изнутри его сильный организм. Теперь и в бане отдыха нет, сердился Граф, мыслительные шестеренки вращались с бешеной скоростью. Он думал о Черте... Отец Черткова, директор крупного металлургического предприятия, десять лет назад привел сюда в сауну своего сына. Мода париться с нужными людьми ушла в прошлое, а раньше все вопросы решались здесь, в бане, открыто, под белыми простынями скрывать нечего. Молодой Черт парился с большими, влиятельными людьми города, обзавелся нужными знакомствами, взял крупный кредит в «Indust»-банке и построил за городом завод по производству «Родненькой». Креативный, хитрый, умный, и без тормозов, совершенно без тормозов.

Дверь парилки открылась, кучерявая блондинка с наклеенными ресницами и силиконовыми губами назойливо промяукала:

– Дорогой, можно к тебе?

– Дверь закрой с той стороны, дура, – прорычал Игорь Графский.

Блондинка дверь закрыла и с грустью подумала: и время потеряла, и денег не заработала, клиент богатый, но злой, а еще говорили – Граф...

Игорь Графский вышел из парилки, снял простынь, и в чем мать родила, плюхнулся в бассейн с холодной водой. Графу не стало легче, он снова думал о Черте, наваждение, какое-то. Главный финансовый гуру региона надел махровый красный халат, переступил через сексуально раскинувшуюся на полу блондинку и пошел в комнату отдыха. Девушка по вызову расстроилась, с ней происходило такое впервые, ее проигнорировал мужчина. Необходимо срочно подкачать губы, покрасить на два тона светлее волосы, похудеть. «Может, я старею», – терзали сомнения валютную проститутку.

Граф выпил коньяка, закурил, набрал знакомый номер телефона.

– Ты где? – спросил он абонента без лишних предисловий.

– У себя, как всегда, работаю.

– Касторкой торгуешь?

– Почему касторкой? Разрешенным в Украине перечнем фармацевтических препаратов, – казенно, как перед налоговой службой, отчеканил собеседник.

– Складно поешь! Через десять минут, нет, через двадцать жду тебя в сауне.

– С собой что-то захватить действенное? Я тут новый препарат достал, классное средство.

– Не дури, ты мне сам нужен.

– Лечу.

– Смотри, пропеллер не сломай. Через двадцать минут.

Граф вышел из комнаты отдыха, жестом позвал блондинку. Она быстро скинула подобие одежды, прозрачную накидку, напоминающую домашний короткий халатик.

– Минет.

– А может? Давай попробуем...

– Я два раза не повторяю!

Блондинка расстроилась, хороших денег сегодня точно не заработаешь. Если не везет, то не везет...

Анатолий Птаха летел на встречу, суетливо взмахивая крыльями. Точнее, жирными короткими ручонками, которые без учета дорожных правил управляли новенькой машиной, ловко прыгающей по дорожным кочкам. Еще бы, сам Граф вызывает. Наконец-то, а вот и знаменитый спортивный клуб «Финиш». Анатолий потоптался возле двери сауны пять минут, прилетел раньше времени. Отдышался и тактично постучал. Банщик открыл дверь, улыбнулся.

– Привет, Павлович, где зубы потерял?

– Да, было дело под Смоленском!

– Так ты за дело пострадал или на орехи перепало?

– Зверь в прошлую пятницу меня воспитывал, я ему теплое пиво подал, ящики поздно в сауну привезли, не успел в холодильник бутылки поставить. Знал, что получу по морде, но выбора не было, поставил пиво на стол теплым.

– Зато стоматологу радость, заработает, – пошутил Птаха.

– А я в минусах, получается.

– Получается, что так. Слушай Павлович, а Граф сегодня в хорошем настроении?

– Двадцать минут назад он сердитый ходил, а сейчас его величеству полегчало маленько.

Иди прямо в комнату отдыха, он там тебя ожидает.

Птаха впорхнул в индусское логово, здесь пахло роскошью, деньгами и похотью. Мне бы так пожить, хотя бы денек один, подумал фармацевт. Графа он застал в деловом расположении духа. Игорь Графский сидел на роскошном светлом диване в красном махровом халате. В правой руке он держал хрустальный дизайнерский sniffтер, специальный пузатый бокал для коньяка. В левой у Графа дымилась гаванская сигара марки «Лансероз», которую обожал известный команданте Фидель.

– Приветствую вас, Игорь Федорович!

– И тебе не хворать! Слушай меня внимательно, Птаха, завтра ты пойдешь к Черткову и попросишься в благотворительный фонд. Станешь его соучредителем.

– Так я не по этому делу. Я деньги зарабатываю, а не раздаю. Игорь Федорович, помилуйте!

– Повторяю, для особо одаренных. Ты пойдешь, мать твою, станешь учредителем благотворительного фонда и будешь раздавать по двадцать тысяч гривен в месяц бедным и убогим. Понятно?!

– Я разорюсь... Бизнес, а как же мой бизнес? – затрепетал Анатолий Птаха, – По миру меня пустить хотите с протянутой рукой?

– Не прибедряйся, я о твоих доходах знаю. Сеть аптек по всему городу, а тебе двадцать тысяч на сирот потратить жалко?

– Жалко, пусть каждый о своих детях сам думает, а то наплодят на пьяную голову, а ты им помогай. Хоть убейте, Игорь Федорович, а я в фонд вступать не буду.

– Название у фонда хорошее – «Родня Задорожья»! Нравится?

– Издеваетесь? Что я вам сделал плохого, Игорь Федорович? Мне чужая родня не нужна, у меня своя семья есть.

– Ладно, дурья твоя башка, затраты мы тебе компенсируем. А ты пиариться в фонде будешь за наш счет. Я хочу, Птаха, чтобы ты по низким ценам лекарства горожанам продавал. Социальная ответственность бизнеса, слышал про такое?

– Как, по низким ценам? Не понял? Вот сейчас, Игорь Федорович, не понял.

– Сделаешь перечень лекарств по низким ценам. Черткову скажешь, что у тебя есть уникальный социальный проект. Мол, хочешь пенсионерам, ветеранам помогать.

– Да никому, Игорь Федорович, помогать я не хочу. За перечень лекарств по низким ценам компенсация будет?

– Мы компенсируем только затраты на взносы в благотворительный фонд.

– Да как же? Я опять в проигрыше?

– Птаха, да не петушишься ты попусту. Сделаешь небольшой перечень лекарств по низким ценам, а на остальные медицинские препараты поднимешь расценки. И никаких финансовых потерь, чистая математика. Реклама твоим аптекам хорошая будет. Так и напишешь на вывесках в своих аптеках – «Лекарства по СУПЕР низким ценам!».

– Вот это мне нравится. Это другое дело. Получается, я даже в выигрыше буду?

– А то, – Граф протянул Анатолию Птахе армянский коньяк десятилетней выдержки, гость с удовольствием выпил, лицо его неприлично покраснелось.

Жадный от природы фармацевт пил дармовой коньяк большими глотками, не чувствуя букета. Мечта пожить хотя бы день, как задорожские индусы, сбывалась. Еще бы девку для полного счастья, размечтался Птаха.

– Телку хочешь? – спросил Граф, как будто прочитал мысли Анатолия.

– Дорого?

– За все заплачено, бери и пользуйся, пока я добрый.

– Я всегда говорил, Игорь Федорович, вы человечие!

Похмелье, как прозрение

Утром Веня Зюскинд первым из подчиненных Черта получил жесткий, дорогой пендель от шефа в размере штрафа на тысячу долларов. Крик, мат, истерика. Чертков обвинил помощника в том, что тот не контролировал подготовку благотворительного бала, а выжившая из ума Раиса Николаевна погубила не только мероприятие года, но и его дизайнерский костюм запредельной стоимости. Искусственный снег оказался своеобразным детонатором в веренице неприятностей, возникших на благотворительном мероприятии. После бала расстроенный Александр Чертков ночью буйствовал в клубе «Филин», охрана рассказала по секрету Зюскинду, что босс в ночном клубе с большим азартом подрался. Его охранник сидит в отделении милиции, так как взял вину на себя.

Утро хмурое, пасмурное и недоброе для Александра Евгеньевича. Секретарша принесла ему таблетку от головной боли и лед в прозрачной грелке, чтобы он приложил его ко лбу.

– Башка разваливается, твою мать!

– Может, вы отдохнете, Александр Евгеньевич? – суетился оштрафованный Зюскинд.

– От чего? От жизни? Проследи, чтобы история с ночным клубом не имела продолжения. Бал – полное гавно! Передай Громовик, что теперь вся ответственность за освещение бала возложена на нее. Провели плохо, так пусть хоть журналисты постараются. Такое масштабное мероприятие никто в Задорожье еще не проводил, мы помогли детям ... и тому подобное. Ну, ты понял!

– Александр Евгеньевич, я лично все проконтролирую.

– Контролер из тебя, Веник, как из меня мать Тереза. Бля, как голова раскалывается! Я хочу пару человек завести в фонд. Вот список людей, организуй мне через час встречи, чтобы я с ними мог по очереди повидаться.

– Может завтра лучше?

– Сегодня!

– Понял, записываю.

– Ты debil или имбецил? Что ты записываешь, список на столе! Что ты тут выслуживаешься, как вшивая собачонка? – перешел на фальцет Черт.

Голова у Чертова болела невыносимо, и этой болью он хотел поделиться со своим помощником.

– Простите.

– Бог простит, это не ко мне, – злился Черт.

Секретарша, пышногрудая Глафира, принесла Черткову завтрак – кофе, теплые рогастики, йогурт, фрукты. Греческое имя Глафира означает «стройная, утонченная». К секретарше Чертова, чья фигура напоминала загорелую гитару, это имя явно не клеилось. Секретарша регулярно сидела на диетах, чтобы гитара не разрослась до размеров контрабаса. Глаша, деловито двигая бедрами, покидала с пустым подносом кабинет шефа, на секунду она остановилась, задумалась и рискнула спросить.

– Простите, Александр Евгеньевич, снова звонила Елена, говорит вопрос жизни и смерти, она хочет встретиться с вами.

– Я занят, – отрезал Черт.

– Может, завтра?

– И завтра я не свободен.

– Поняла, Александр Евгеньевич.

Елена Дашкова – школьная пассия Чертова, его первая любовь. Он любил ее в школе, добивался взаимности в институте, но Лена, в постоянном окружении толпы поклонников, к

Черткову проявляла равнодушие, как друга она его воспринимала, как сексуального партнера – нет.

Как это ни странно звучит, но своим богатством и высоким социальным статусом Чертков обязан Елене Дашковой, ради нее он работал как проклятый, по четырнадцать часов в сутки. Ради Лены он брал кредиты, строил завод, воевал с конкурентами. Он хотел быть большим, значимым, успешным, чтобы женщина, которую он любил, его заметила и полюбила. К тридцати шести годам Александр Чертков стал олигархом, депутатом, светским львом, за которым бегают незамужние девушки в надежде заполучить сердце неприступного холостяка.

У Лены все наоборот, она дважды неудачно побывала замужем, одноклассники утверждают, что Дашкова родила ребенка, расплнела, сидит дома и теперь никому не нужна. Этой информации Чертков несказанно рад, так ей и надо, сколько лет она мучила меня, злорадствовал олигарх. Заработал закон «обратки», который гласит: «хорошее, равно как и плохое, возвращается адресату». Этот закон Александр Евгеньевич придумал сам, он любит повторять его сотрудникам, при каждом уместном случае.

В жизни Черткова окружали одни враги, он так искренне считал. Им, врагам и недругам, все возвращалось сполна. Ленка его не любила, вот и получила по заслугам. Пусть завидует, у него теперь семнадцатилетние девчонки в почете. Ленка – пройденный этап. Пройденный!

Три года назад они встретились в ресторане, Дашкова праздновала свой день рождения. Они случайно столкнулись, много выпили за ее здоровье и провели три прекрасных месяца вдвоем. Черт никогда и не с кем так долго не просыпался в одной постели. Потом они поссорились, Лена ушла. Ушла, громко хлопнув дверью, Чертков не мальчик, он не простил, назад не позвал. Через месяц она настойчиво искала встречи, но он сменил номер телефона. И перестал посещать злачные места в городе, где Дашкова могла появиться. Умерла, так умерла. И вот опять звонит. Три года спустя! Что ей надо? Вспомнила. Да пошла она...

– Александр Евгеньевич, я вот тут список посмотрел, который вы мне дали. Может, всех собрать в ресторане, например, на обед. Мужики, когда хорошо поедят и выпьют, быстро принимают решения, позитивные решения, – прервал грустные воспоминания Черта его помощник.

– Мужики... Откуда ты знаешь, как ведут себя настоящие мужики?

Черт злобно посмотрел на помощника испепеляющим взглядом, у Вени Зюскинда задрожали руки, заморгали глаза, как будто его только что задержали на таможне, а у него в сумке находится контрабанда. Пронесет, не пронесет... Пауза томительная, длинная.

– Ладно, уговорил. Назначай встречу через час в «Филине». Шарапова предупреди, чтобы хорошую закуску поставил и «Родненькой» пару бутылок, обязательно холодной.

– Хорошо, – ответил помощник. Он не стал объяснять шефу, что будущие учредители фонда – бизнесмены, у них такой же дефицит времени, как и у него самого.

Собрать через час всех участников грандиозного благотворительного заговора в «Филине» это из серии «Фантастические приключения Веника в Задорожье». Помощник бессовестно врал потенциальным кандидатам на роль учредителей благотворительного фонда, уговаривал, грозился покончить жизнь самоубийством в рассвете лет, если те отказывались от важной встречи, обещал манну небесную, но таки добился своего.

Через час в «Филине» за большим стеклянным столом на открытой площадке сидели: сам хозяин ночного клуба Борис Шарапов, собственник завода драгоценных металлов «Блеск» Роман Александрович Громько, владелец швейной фабрики «Портняжка» Владимир Петрович Сушко, собственник сети автосалонов «Дрын-Брын» Олег Валерьевич Томилов, владелец сети городских аптек Геннадий Петрович Сивка.

Александр Евгеньевич Чертков пришел на встречу последним, когда задорожские бизнесмены громко обсуждали главное событие текущего дня, зачем их так срочно собрал вместе Черт. Александр Евгеньевич окинул взором стол. Как заказывали – первоклассная закуска, в

центре стояла она, любимая, родная, единственная и неповторимая «Родненькая», несколько литровых бутылок, покрытых изморозью в жаркий летний полдень. Красиво! Шарапов приказал официантам убрать посторонних с площадки, ими оказались случайные посетители клуба, им предложили перейти в зал, где работает кондиционер. Посетители не сопротивлялись, хотя на площадке веяло естественной прохладой от Днепра, а в помещении царил искусственный, бездушный холод. Затем Борис Борисович попросил покинуть летнюю площадку и своих официантов. Полная, безоговорочная конспирация.

– Господа, товарищи, пацаны... – у собравшихся перехватило дыхание. – Я собрал вас всех с одной благой целью. Пора брать город. Наши предприятия ключевые в регионе, мы пашем на бюджет, нас обдирает налоговая, а индусы жиреют. Они не дают развиваться нашему бизнесу, новому, прогрессивному. Хочешь открыть кафе, необходимо идти к индусам на поклон, построить завод – приползи на коленях, провести мероприятие – согласуй с ними. У них все схвачено, за все уплачено. Индусы, одним словом, не хохлы.

– Александр, слезай с трибуны! Ты хочешь передела, войны в городе? – занервничал Олег Тамилов, у которого индусы раз в год меняли машины на более дорогие. Ссориться с ними он не хотел.

– Олег, ты собирался построить сеть автомобильных моек на территории Задорожья, тебе дали осуществить этот проект? – поинтересовался Черт.

– Нет.

– А кто украл у тебя этот проект и сам воплотил его в жизнь? Граф. А ты, Олег Валерьевич, даже не пикнул. Если бы я у тебя этот классный проект украл, ты бы мне в морду дал, застрелил на хрен.

– Да, Саша, ты прав. Как вспомню, так вздрогну, у меня еще пять проектов лежат, на которых большие бабки отбить можно. Увы! Жду.

– Чего, следующей пятилетки? А ты, Володя, хотел «Дом моделей» открыть, открыл?

– Дело ясное, что дело темное, – уклончиво ответил Владимир Петрович Сушко и посмотрел на часы, через полчаса у него назначена важная встреча. Черт почувствовал, клиент уходит и добил портняжку.

– Володя, вспомни о жене, о том, сколько ты настрадался. Даже собственную жену поставить на место не можешь. Что головы опустили? – обратился Черт к собравшимся бизнесменам. – Не надо делать вид, что мы здесь все не в курсе.

Владимир Сушко налил стакан холодной водки и залпом выпил. «Родненькая» пошла плохо, он начал неприлично икать. Схватил дольку лимона, запихнул себе в рот, болезненно скривился. У Сушко заболело сердце, которое аритмично стучит последние три года искусственным клапаном в груди. Его жена год назад загуляла со Зверем, с Родионом Павловичем Хомяком, чьи погоны и статус позволяли безнаказанно таскать чужих жен по баням. Сушко терпел и молчал, на него у Зверя имелся серьезный компромат, участие в одной криминальной разборке. Сейчас, в минуты тягостного общественного позора, за одним столом с уважаемыми людьми, ему вдруг захотелось убить Зверя. По-настоящему, из охотничьего ружья, которое весело дома на видном месте, и в этом году еще ни разу не стреляло. Одно дело, когда ты знаешь, что жена тебе неверна, другое дело, когда тебе открыто сочувствуют коллеги по бизнесу.

Черт почувствовал, сработало, Сушко войдет в «Родню Задорожья». Он предложил выпить, бизнесмены согласились.

– Гена, твои аптеки убрали из больниц и поликлиник, хотя у тебя цены нормальные, а твое место заняли аптеки Птахи.

– Птаха, это человек, который везде летает и много гадит. Он главным врачам хорошо отстегивает. Сволочь и убийца, он говорят, своего конкурента отравил, любил с ним париться по пятницам, и потихоньку в пиво порошок подсыпал, тот за полгода и богу душу отдал. И вскрытие ничего не показало. Мастер, я с ним за один стол не сяду.

– Кто-то здесь сказал, что я воевать предлагаю. Я предлагаю вам, пацаны, мирную революцию в отдельно взятом городе. Мирную! Предлагаю объединиться, стать единой родней. Сделать это красиво, тонко. Мы являемся учредителями благотворительного фонда «Родня Задорожья», делаем масштабные региональные проекты, наращиваем социальный капитал, вокруг нас объединяется громада. А дальше – общественная организация, своя партия, свой мэр. Нас большинство в городском совете, есть свои представители в Верховной Раде. Индусы в жопе, мы в шоколаде.

– Про шоколад, конечно, хорошо. Но я не хочу на благотворительности делать политический проект. Благотворительность это миссия помогать людям, – возмутился Сивка, правдолюб от рождения. Для него не существовало тридцати трех оттенков серого цвета, которые от природы видят кошки, для него существовал один серый цвет, который в реальности видел он.

– Гена, а разве Граф, Фотограф и Зверь бедные люди? Индусы деньги лопатой гребут, грузовиками, вагонами из городской казны вывозят. И ни копейки людям! А мы будем реально помогать горожанам: строить детские площадки, ремонтировать ветеранам квартиры, помогать детским домам. Я бы сразу предложил вам зарегистрировать партию, но индусы тут же поймут, где собака зарыта. В Киеве новым лидерам и новым партиям крайне не рады, я не хочу стать сбитым летчиком на аэродроме и вам не предлагаю.

– А если они догадаются?

– Кто им скажет? Ты, Роман, а может ты, Володя? Я вам доверяю, я открыт. У нас только два пути. Мы сейчас расходимся по норкам, ждем, пока в регионе вымрут индусы, а за ними и их индусята? Или делаем собственный проект, захватываем Задорожье?! И становимся новой силой, которая себя в бизнес-среде продвигает, и о простых людях не забывает.

– Ты, Роман?

– Я за второй вариант.

– Владимир?

– Я согласен, вступаю в фонд.

– Ты, Олег?

– Я, как все.

– Сивка?

– Черт с вами! Согласен, только одно условие. Бизнес-конкурентов в фонд не пускать.

– Само собой, я слово даю, – ответил Черт.

Гениальный план Черта сработал. Он, озвучил учредителям сумму взноса, те недовольно побурчали, но потом согласились. Бизнесмены договорились ежемесячно делать взносы в благотворительный фонд в размере двадцати тысяч гривен, они ударили по рукам и разошлись.

Билет в один конец

Жанна Громовик сидела в офисе фонда и внимательно просматривала прессу, она справилась с поставленной задачей. Однозначно! Сюжеты в новостях, рекламная информация в интернет-изданиях, лица учредителей фонда на первых полосах газет. Пиар – страшная сила, способная из неудачной благотворительной акции вылепить светское мероприятие года. На балу присутствовало человек четыреста, триста из которых удалось напоить «Райским» шампанским. Вот и получается, с то недовольных горожан – информационная капля для миллионного города. И эта капля не сможет испортить впечатления от грандиозного благотворительного мероприятия. Жанна искренне радовалась проделанной работе и ожидала от шефа услышать слова благодарности. Анонимный телефонный звонок на время приостановил вереницу мыслей доморощенной пиарщицы.

– Да, – сказала она в телефонную трубку, улыбаясь.

– Я, по-твоему, урод?

– Кто это? Не мешало бы представиться! – вошла в телефонный конфликт Жанна.

– Чертков, мать твою!!!

– Почему вы разговариваете со мной в таком тоне?

– А почему в муниципальной газете опубликовали мою фотографию с рюмкой водки и перекошенным лицом?

Жанна просила, умоляла главного редактора муниципальной газеты заменить фотографию. Она действительно крайне неудачная, на ней Чертков выглядит выпившим, хотя на балу он был еще трезв, это потом Александр Евгеньевич позволил себе расслабиться в ночном клубе. Жанна настойчиво просила главного, затем выпускающего редактора прислать ей макет статьи, но его по электронной почте так и не прислали. Газета вышла в большой тираж и только потом пиарщица узнала, что новым хозяином муниципальной газеты неделю назад стал Олег Качалов, он же Фотограф, компаньон Графа. О том, что Черт и Граф друг друга на дух не переносят, Жанна знала. А то, что люди Качалова ее подставят, не ожидала. Газета сменила форму собственности, ее сотрудники утратили совесть и вот результат.

– Я сделала все, что могла, Александр Евгеньевич, моя ошибка лишь в том, что я поздно узнала, кто является новым хозяином газеты. Я думала, газета принадлежит городскому совету, а оказалось, ее новый собственник – Фотограф, простите, Олег Качалов. Мы готовились к проведению благотворительного бала, я просто не знала, так вышло, – оправдывалась Жанна.

– Та срать я на тебя хотел! Она думала, она не знала. Ты пиарщица или порченная курица из супермаркета, которую никто не покупает? Я взял тебя на работу, чтобы ты пиарила фонд и меня, а не сказки мне сейчас рассказывала. Это серьезный прокол, получается, я деньги тебе плачу, чтобы ты из меня алкоголика делала. Срочно скупай газеты по всему городу! – кричал обиженный Чертков.

– А деньги?

– Деньги! За свои бабки газеты покупай. Нагадила, теперь вытирай.

Жанна решила поставить взорвавшегося олигарха на место, но Чертков резко прервал разговор. У Громовик тряслись руки, словно ее молнией ударило. Она убежала в туалет, открыла кран с холодной водой, подставила ладони, затем стала умывать лицо, черная тушь капала с лица, губная помада размазалась по щекам. Жанна посмотрела на себя в зеркало. Ужас! Она понимала, что виновата, но так грубо с ней еще никто не разговаривал, даже бывший муж, с которым они скандально расстались. Женский туалет не то место, где можно спрятаться от мира и суеты надолго.

– Жанна, выходи, я писать хочу, сейчас умру, – стучала в дверь санузла Таня Большая и пританцовывала, как на раскаленных углях.

Ничего не поделаешь, Громовик открыла дверь и вышла из укрытия.

– Ого! Кто-то умер? – поинтересовалась Таня.

– Да, умерла пиарщица, работающая в фонде «Родня Задорожья», я возвращаюсь на телевидение, хорошо, что не успела уволиться.

– Черт материл?

– Я с чертями не работаю, – Жанна уступила территорию санузла Тане Большой и пошла собирать вещи.

С рабочего стола Жанна забрала любимую подставку для ручек, две кассеты, принадлежащие ей, блокнот, керамическую чашку с цветочками, вот собственно и все имущество простой задорожской пиарщицы, поместившееся в сумке. Дамская сумка, в которой кроме кошелька и ключей от квартиры больше ничего никогда не лежало, раздулась, как лягушка, надутая соломинкой через задний проход. Символично, подумала Жанна и решила сделать звонок человеку, который втянул ее в это неблагородное дело – благотворительностью заниматься. На удивление, изворотливый абонент ответил быстро.

– Жанна, как я рад тебя слышать!!! – расшаркивался Зюскинд.

– Значит так, друг мой, Веня! Я ухожу из фонда. Решение принято. Я с Чертковым работать не могу.

– Что случилось?

– Он обозвал меня порченой курицей из супермаркета! Ему не понравилась фотография в бывшей муниципальной газете. Я пыталась убрать фото, но не смогла.

– Боже, какая ерунда! Меня Чертков на штуку оштрафовал. И я не плачу. Жанна, не дури. Ты прекрасно отработала, я промониторил сюжеты на местных телевизионных каналах – супер. С одной газетой осечка вышла. Ерунда!

– Послушай, Веня, я не привыкла, чтобы со мной в таком тоне разговаривали, как будто я действительно просроченный товар в супермаркете. Я себя уважаю...

Разговор длился долго, Зюскинд уговаривал, аргументировал, но Жанна стояла на своем. Помощник Черткова в первый раз почувствовал, что Жанна не командный человек. Она имеет собственное мнение, болезненно реагирует на критику шефа. У них, в корпорации «Роденьская» принято, что шеф всегда прав, а если не прав – подчиненный утерся и пошел дальше эффективно работать. «Человек – это функция, а не эмоции и мысли», – любит вслух повторять босс. Зюскинд резко поставил точку в разговоре с Жанной Громовик и безотлагательно позвонил Черткову.

– Александр Евгеньевич, Жанна уходит, она заявила мне, что не работает больше в фонде.

– И ты мне звонишь по таким пустякам?

– Я понял, отпускаем, – расслабился преждевременно Зюскинд.

– Я ее не отпускал, у нас корпорация, а не богадельня. Делай что хочешь, но чтобы Громовик работала на меня. Она многое знает, точнее догадывается. Если мы ее отпустим, эта сука будет работать на наших врагов. Делай что хочешь. Точка! – связь прервалась. В трубке послышались ноющие, словно при зубной боли, телефонные гудки.

Слово «точка» означало для помощника, что приказ озвучен и обжалованию не подлежит. Зюскинд занервничал. Жанну он знал со студенческой скамьи, характер у Громовик под стать фамилии, если ее вывести из равновесия, она начинает метать молнии. А Чертков своими мудрыми наставлениями из нее удачно молнии высекал. Шеф привык к безоговорочному подчинению, но только не с Жанной. «Тяжелый случай», – подумал Зюскинд.

Вениамин заварил себе крепкий кофе, настолько крепкий, что после первого глотка встрепенулся, как петух на жердочке. Он открыл окно в своем рабочем кабинете, отвратительный воздух Задорожья повеял продуктами промышленной жизнедеятельности крупных заводов. «Фу, дышать нечем!»...

Окно Зюскинд закрыл, но от закрытого пространства ему стало только хуже. В курятнике беспорядок, одной курице предстоит поставить мозги на место, чтобы яйца золотые несла, а не акции протеста устраивала хозяину. Веник наматывал круги в кабинете. Какое у Жанны слабое место? Он скрупулезно перебирал в голове всю информацию, которой обладал о пиарщице и пришел к неутешительному выводу: ребенок – единственное и надежное средство для шантажа.

Зюскинд позвонил Марго, кратко изложил, в чем суть проблемы, сослался на Александра Евгеньевича. Марго в Приморске скучала, ее отстранили от крупных дел корпорации, за глаза «родненькие» называли ее старушкой, и наконец-то вспомнили. Спасибо! Несомненно, она справится с поставленной задачей, получит премию и полетит в Париж, в город молодости и любви. Как давно она не гуляла узкими улицами Парижа. А какие там пекут круассаны, из слоеного теста! Ух, пальчики оближешь.

– Маргарита Григорьевна, вы меня слышите? – в третий раз вопрошал Зюскинд, понимая, что старушка думает о своем, стародевичьем.

– Да не надо так кричать, я не глухая, – ответила Марго, возвращаясь в реальность.

Она посмотрела на Машку, копошившуюся в грязном песке на берегу Азовского моря, и не сдержалась, мастерски исполнив свою роль заботливой Фрекен Бок:

– Сколько раз повторять, руки должны быть чистыми, – Зюскинд воспринял эту фразу на свой счет. «Неужели Марго отказывается выполнить задание», – подумал он.

– Маргарита Григорьевна, что вы имеете в виду, когда говорите о чистых руках, вы не хотите выполнять задание Александра Евгеньевича?

– Остынь, я воспитываю ребенка, который роется в грязи, а вы, Вениамин, не ребенок. Веня, успокойся, я знаю что делать. Жанна будет работать на корпорацию «Родненькая». Это я тебе обещаю!

Ребенок услышал родное имя Жанна, подбежал к Маргарите Григорьевне и, хлопая большими ресницами, спросил:

– Это мамочка звонит?

– Нет, деточка, это мне звонят по работе. Иди, золотце, играй, только не бери руки в рот, песок грязный.

Когда Марго уверенно ответила помощнику Черткова, что Жанна Громовик будет работать на корпорацию, у Зюскинда от сердца отлегло. Он знал о жестоком нраве старушки, но думать не хотел о методах воздействия на Жанну. Главное поразить цель, сломить непокорный дух пиарщицы.

Солнце вошло в зенит, оно палило нещадно. Море прогрелось, дети плескались на берегу, визжали, брызгались водой. Маргарита Григорьевна почувствовала, как кожа на ее лице пересохла от солнца, и неприятно стягивает улыбку. А улыбаться широко, искренне придется, необходимо Машку вытянуть из лягушатника.

– Деточка, пора идти в столовую! Машенька, выходи на берег, – в ответ всплеск воды, ребенок нарочито изображал азовского бычка.

Тупого, довольного, маленького бычка. Марго не собиралась залезать в море, она хотела поскорее покинуть пляж, в ее возрасте солнечные лучи нещадно высушивали кожу на лице, делая ее старой и сухой. Маргарита Григорьевна в корпорации решала сложные, многоступенчатые задачи по дискредитации конкурентов, поэтому сопливого ребенка из воды достать ей не составило труда. Она развернулась, пошла к подстилке, где Машка уложила спать свою русалку, взяла резиновую игрушку и уверенным шагом подошла к кромке моря.

– Машенька, я кушать хочу, я голодная, – заговорила русалка голосом Маргариты Григорьевны.

– Я еще немного покупаюсь, Зетта, а потом мы вместе пойдем в столовую, хорошо?

– Нет, не хорошо, Маша! Я очень голодная, у меня колики в животике, – для убедительности Марго надавила на брюшко русалки и Зетта жалобно запищала.

– Ладно, – сжалилась хозяйка резиновой русалки и вышла из воды.

За укрощением на берегу Азовского моря маленького бычка по имени Маша внимательно наблюдали две молодые мамы, которым тоже не удавалось вытащить любимых чад из воды. Они поблагодарили Маргариту Григорьевну за наглядный урок и публично признали в ней современного Макаренко. Через минуту мишки, куклы, и всемогущие роботы голосами мам вызывали ненаглядных деток из воды, метод оказался радикальным и эффективным.

Маргарита Григорьевна крепко взяла Машку за руку и повела ее по деревянному мосту, который соединял песчаный берег пляжа с базой отдыха. Под мостом постоянную прописку в зарослях камышей получили: водоплавающие утки, ужи и гадюки. Местные жители называют эту грязную лужу лиманом, Марго назвала ее гадюшником. Машка остановилась в эпицентре дислокации серых невзрачных уток и стала кормить их остатками печенья. Утки, привыкшие к подачкам отдыхающих, сгруппировались и стали выхватывать куски сладкого печенья друг у друга.

– Видишь, Зетта, утки тоже голодные, как и ты, – обратилась девочка к русалке.

– Пошли скорее. Вон, видишь, Маша, какая страшная змея плывет, прямо сюда! Она сейчас нас съест, – русалка говорившая голосом Маргариты Григорьевны, явно боялась плывущей гадины, потому что голос ее, не по-детски дрожал.

Опасения русалки обоснованы, Маша увидела, как на поверхности воды появилась большая, жирная черная змея. Она непредсказуемо извивалась, высунув плоскую гадкую морду над водной гладью. Утки, почувствовав опасность, разлетелись в стороны, брызгаясь и крича. Маша сильно сжала шершавую ладонь няньки и побежала по мосту в сторону базы отдыха. Фрекен Бок ускорила шаг, в ее голове клубились опасные мысли, грызли ее старческий мозг изнутри. Задание получено, отступить некуда, позади собственное благополучие, обеспеченная старость. Жить на нищенскую пенсию Марго не собиралась. Она ежемесячно посещала дорогие салоны красоты, покупала новые стильные вещи, любила вкусно покушать и регулярно приглашала к себе в гости водителя, который на два десятка лет ее моложе. Водитель корпорации «Родненькая» под крылом Фрекен Бок чувствовал себя, как у няньки за пазухой. Марго периодически нянчила детей директоров корпорации, а фактически, попадая к ним в семьи, за ними шпионила.

Статус главной шпионки «Родненькой» присвоил ей сам Александр Чертков. Сотрудники о миссии супер-няньки догадывались, панически боялись и четко понимали, если Марго рекомендовали взять в семью, значит идет проверка, серьезная, со всеми вытекающими последствиями. Командировали Марго и в семьи новичков, должен же Черт знать, с кем имеет дело. Благодаря Маргарите Григорьевне после внутренней проверки многим сотрудникам «Родненькой» удавалось уцелеть. Она оставляла в дружной большой родне Черта только тех, кто ей нужен. Что значит висеть на крючке у Марго, ее водитель Игорь хорошо знал. Он ее помощник и любовник в одном лице.

У Игоря молодая красивая жена, двое маленьких детей, ради них он готов ласкать старое, затасканное мужчинами и временем тело. С кем только Маргарита Григорьевна не вступала в близкие отношения в полном расцвете женских сил, а вот когда буйство гормонов поутихло, у Марго появился постоянный и единственный любовник. Игорь – ее верноподданный, раб желаний и плотских утех. В Приморске водитель жил в соседнем номере, хорошо питался, отдыхал, загорал, купался, читал детективный роман и темными ночами ублажал шефиню.

Телефонный звонок Жанны, в котором пиарщица сообщила Маргарите Григорьевне, что завтра она забирает дочь, взволновал главную шпионку «Родненькой». Необходимо действовать! Молниеносно.

В столовой базы отдыха противно пахло котлетами советского образца. Машка обедала плохо, капризничала. Маргарита Григорьевна уговаривала ребенка похлевать гороховый суп. Девочка неприлично скривилась и отодвинула тарелку. Единственное, к чему она прикоснулась – это картофельное пюре, размазанное по тарелке. Поклевав пюре, Машка запила его компотом из сухофруктов. Марго сидела на очередной диете, поэтому только пригубила компот за компанию с ребенком. Теперь задача номер один для Маргариты Григорьевны – уложить ребенка спать. Применять чудеса педагогики не пришлось. Прежде, чем Маша уснула, нянька предусмотрительно накапала ей взрослую дозу снотворного, чтобы наверняка. Удостоверившись, что ребенок спит, Маргарита Григорьевна поспешила в соседний номер. Игорь после плотного обеда уснул, он сладко посапывал, выпуская из ноздрей мощные потоки горячего воздуха. Страницы детективного романа, лежавшего на его груди, попадая под очередной выдох, перелистывались.

– Хватит спать, есть срочное дело! – закричала Марго на своего водителя.

– Мг, Ма... Марго... потом... я спать хочу... ну пожалуйста, дорогая... – Игорь ворочался в постели, бурчал себе под нос слова мольбы, не открывая глаз.

– Встать, я сказала!

Игорь, как верный пес, подчинился. Он сидел на кровати в семейных трусах, горячий от полуденного сна и беззащитный, такими мужчины бывают после сытного обеда и полноценного отдыха.

– Слушай меня внимательно, сейчас пойдешь к лиману, поймаешь мне змею, вот банка, пакет и перчатки. У тебя в багажнике должны лежать охотничьи резиновые сапоги, если ты их, конечно, не выкинул. А если выбросил, тогда, охотник, это твои проблемы.

– Сапоги лежат, там и ружье осталось, я его не выкладывал. Ты же меня с охоты вызвала.

– Оружие?

– Марго, давай покувыркаемся, и на боковую! Зачем тебе змея? Я могу тебе ужа в зоомагазине купить, хочешь?

– Мне нужна ядовитая гадюка!

– Марго, зачем?

– Это задание самого Черта.

– Кого убивать будем? Директора базы отдыха? – с серьезным выражением лица спросил Игорь. От шефини он всегда ожидал чего угодно. Фрекен Бок добротой никогда не страдала.

– Убивать не будем. Попугаем только. Необходимо Жанну приструнить.

– Я же говорил тебе, что она жена моего брата!

– Помню, а еще ты говорил мне, что они плохо расстались и Жанна не дает ему ребенка. Пора, Игорек, ей платить по счетам. Девка противная, она Александру Евгеньевичу не подчиняется. Он дерзости никому не прощает. Ты знаешь.

– Знаю. А каким образом змея сможет укусить Громовик, если та сейчас находится в Задорожье? Мы что, повезем змею в город?

– Ну, ты, точно, водитель!

– Да, я круглый дурак, так расскажи мне, Марго, твой план действий. Не держи меня за осла. Жанна моя родственница, хоть и скандальная. Но смерти ей я не желаю.

– Змея укусит ее ребенка...

– Что!!! Марго, что ты сказала?!!

– Заткнись и слушай внимательно, истерик! Мы скажем Жанне, что змея заползла через балкон, наши номера расположены на первом этаже. Я на территории базы змею лично видела. Логично! В Приморске сыворотки против укуса гадюки нет. Я узнавала – ни на базе, ни в местной больнице. Патологическая человеческая беспечность. Попутно репутацию мэру подгадим, он не наш человек. Вчера читала его интервью, он занимается спортом, водку не пьет, сволочь. Выступает против рекламы табака и алкогольных напитков.

- А как же ребенок? – спросил Игорь, его серые большие глаза стали влажными.
- Не переживай. Я что, нянька-убийца? У меня есть сыворотка, – соврала Марго.
- Тогда зачем весь этот цирк со змеей?

– Жанна за спасение единственной дочери будет обязана лично мне и корпорации. Она должна понять наше могущество, нашу силу. Игорь, давай просыпайся, тебе еще гадюку ловить. Их в камышах тьма, но в обед эти твари уползают под камни.

- А если я змею не поймаю?

– Ты нагадишь самому Александру Евгеньевичу, а это – увольнение. О последствиях не пугаю. Из города придется уезжать. Ты нагадишь мне, а это еще страшнее, я предателей не прощаю. Подумай, Игорь, о родных детях, подумай о жене, если она узнает о нас. Ты потеряешь семью.

- Марго, какая ты сука!

- Я воспринимаю это как комплимент. Хватит ныть! Игорь, иди, лови змею.

- А с Машкой точно все будет хорошо?

- Слово даю. Я маленьких детей не убиваю...

Подавленный, рослый, спортивный Игорь в резиновых охотничьих сапогах ловил в камышах гадюку. Он произносил вслух ненормативную лексику, которую знал, а когда словарный запас негативных слов исчерпался, вспомнил их заново. И так по кругу. В камышах невыносимо воняло, отдыхающие использовали заросли, как отхожее место. Пластиковые бутылки, мусор мешали выследить добычу. Змеи уползали из его цепких рук.

Игорь прирожденный охотник, свободное время он посвящает дичи. Он знает, как правильно выставить подсадную утку, как заманить птиц на водоем, он мастерски обращается с оружием, но змеи – это что-то непрогнозируемое. Поведение пресмыкающихся напоминало ему сейчас одного человека, которого хотелось безоговорочно раздавить резиновыми сапогами. Что это? Игорь почувствовал, как змея пролезает у него под обувь. Он сдержался, не убил мерзкую гадину, но придавил так, чтобы поймать. Гадюка средних размеров, оказавшись в двухлитровой банке с плотно закрытой крышкой, сходила с ума, она билась головой о стекло, и, злобно высунув ядовитый язык, смотрела налитыми кровью глазами на Игоря. Водитель положил банку в ведро, накрыл спортивной курткой для конспирации.

Все, конец змеиной охоте. Потный, злой и уставший охотник стремился, как можно быстрее, покинуть рассадник пресмыкающихся. Выйдя из камышей, он столкнулся с пенсионером, который стоял на деревянном мостике и все это время наблюдал за Игорем.

- Что ты поймал? – спросил любопытный дед.

- Ничего.

- Так не ври мне, я своими глазами видел, ты что-то поймал.

– Дерьмо я поймал, дед, теперь не знаю, как отмыться, – откровенно сказал Игорь и быстрым шагом направился к корпусу, где жил он, Марго и маленькая Маша.

Не успел Игорь переодеться, надеть сухую одежду, как фурией в номер влетела Марго. Она достала из ведра банку, потрясла ее. Змея встрепенулась, скрутилась калачиком, а потом мгновенно кинулась на незнакомку, атака завершилась фиаско, помешало стекло.

Игорь категорически отказался вредить ребенку. Марго рассердилась, ей придется все делать самостоятельно. Она пришла в свой номер, надела резиновые перчатки, туго обмотала руку махровым полотенцем. Машка спала ангельским сном, так спят дети, когда им ничто и никто не угрожает. Девочка ровно, тихо дышала. Солнечные лучики, пробивающиеся сквозь шторы, щекотали ее милое детское личико.

Нянька выбросила гадюку из банки, шипящий клубок упал на пол, затем размотался. Семьдесят сантиметров угрозы и несколько смертоносных граммов яда. Маргарита Григорьевна деловито схватила тварь за хвост, как будто она всю жизнь занималась дрессировкой змей, она потрясла гадюку и резко бросила ее на постель к ребенку. Маша потянулась во

сне, змея сработала на движение и семьдесят сантиметров ненависти вонзились в щиколотку ребенка. Маша, не проснувшись, громко закричала. Маргарита Григорьевна схватила стул и со всей силы стукнула змею, туловище агрессора перебито. На крик Маши прибежал Игорь, он схватил ребенка на руки и началось. Маша проснулась, ее вопль напоминал звук пожарной сирены.

– Не будем рисковать, где сыворотка?

– Где-где – в Задорожье, – спокойно ответила нянька.

– Сука, какая же ты сука. Я убью тебя, Марго!!! – закричал Игорь и стал ртом отсасывать из ранки яд.

Номер напоминал сказочную «Варежку». На детский истошный крик сбежались: представители администрации базы отдыха, медсестра, соседи по корпусу. Марго вышла на балкон и позвонила матери ребенка.

– Да, Маргарита Григорьевна, я вас слушаю, – спокойно ответила Жанна Громовик.

– Жанна, у тебя нет времени на истерику. Ребенка укусила гадюка. Нужна сыворотка, срочно. Мой водитель Игорь отсосал яд из ранки, Маша в сознании. Сыворотки нет на базе отдыха и в больнице, она есть в Задорожье в областной детской больнице, – Марго сделала паузу в своем угрожающем монологе, она приоткрыла балконную дверь, в телефонную трубку вихрем ворвался вопль ребенка.

– Господи, – прохрипела Жанна и, как настоящая мать, заплакала.

– Не распускай слюни. Жанна, немедленно соберись! От тебя сейчас зависит жизнь Маши. Немедленно позвони Черткову и проси вертолет, он его недавно приобрел. Бери такси, езжай в больницу, у нас там главный врач свой человек, сыворотку тебе выдаст. Я позвоню, он мне не откажет.

– Я сегодня уволилась и на корпорацию больше не работаю! Есть вариант без участия Черткова?

– Ты веришь, что самолет санитарной авиации прилетит вовремя? Жанна, мы говорим с тобой полторы минуты. Теряем время! Звони немедленно!!! Чертков тебе не откажет, звони.

– Я все сделаю, Маргарита Григорьевна. Прошу вас, помогите моему ребенку сейчас, чем сможете!

– Жанна, это и мой ребенок, я за него несу ответственность. Торопись!

И она позвонила Черту, как будто купила билет в один конец. Сыворотку доставили вовремя, ребенка спасли. Жанна Громовик теперь одна из многих, кто продал душу великой и могущественной корпорации «Родненькая». Цена сделки – жизнь ее маленькой дочери.

Родственные связи

«Филин» сегодня вечером закрыт, там Чертков с братвой отдыхают. Эта новость вызвала у завсегдатаев ночного клуба недовольство. Таня Большая дипломатично выдворяла гостей, она строго соблюдала инструкции Александра Евгеньевича по организации мероприятия – посторонних не пускать. Сегодня мимо Тани Большой мышь не проскочит, не то, что любители ночной жизни. Проверив сервировку столов, таблички с посадкой гостей, спиртное исключительно торговой марки «Родненькая», наличие музыкантов, она спокойно вздохнула. Осталось повесить баннер на самом видном месте. Официанты суетились, рассчитывая на хорошие чаевые, им не до баннера. Появление Жанны в сопровождении Раисы Николаевны Гавкало миниатюрную Таню обрадовало.

– Добрый вечер, вы мне поможете баннер повесить?

– Естественно, – пафосно сказала Раиса Николаевна, сходу начав командовать Таней и Жанной.

Она знала, как правильно и где именно необходимо вешать баннер. Таня имела собственное мнение, вследствие чего возник конфликт мелкого масштаба. После пяти минут словесной перепалки между главным менеджером фонда и его директором, на глазах у Громовик из мухи вырос большой, ушастый, упрямый слон. Дабы не лицезреть его в разгар корпоратива, пиарщица послала Гавкало на кухню с инспекцией, и конфликт благополучно утих.

– Я убью Гавкало и меня оправдают, – вешая баннер, произнесла Таня.

– Раиса это наша карма, высшие силы нас учат терпению. Терпи, Таня, – философствовала Жанна.

– А я думаю, высшие силы просто над нами издеваются.

Жанна спрыгнула со стула и отошла. На стене красовалась надпись: «Кто не с «Родней Задорожья», тот против нас!»

– Черт придумал? – поинтересовалась пиарщица.

– Ага, а как ты догадалась...

– Я начинаю понимать, как он думает. Гений!

– Злой гений, – уточнила Таня Большая.

Пока девчонки суетились, Раиса Николаевна времени не теряла, она заглянула во все кастрюли, которые дымились на кухне, сунула курносый нос в процесс приготовления пищи, чем раздраконила главного повара «Филина». Тот, чтобы избавиться от Гавкало, попросил директора фонда проследить за сервировкой стола. И Раиса Николаевна проследила!

Она решила радикально изменить корпоративную традицию, подошла к столикам и приказала официантам заменить пару бутылок водки «Родненькая» на другую торговую марку. По счастливому стечению обстоятельств эта водка оказалась торговой марки, которая жестко конкурировала с «Родненькой» на рынке алкогольной продукции. Логика директора проста, а вдруг, кто-то из новых учредителей благотворительного фонда «Родня Задорожья» водку Черткова не пьет? Раиса Николаевна осталась довольна собой. Она мысленно отругала Татьяну за тупость. Ей поручили организовать корпоративный вечер, а она... Это же не праздник «Родненькой», а широкое общественно значимое событие для всех участников благотворительной деятельности. Ох, уж эта молодежь, за ней глаз да глаз нужен, возмущалась Гавкало.

Темнело, музыканты расчехлили инструменты, официанты нервно поправляли накрахмаленные воротнички, готовились к встрече знатных гостей. Последний организационный штрих, задорожские гарсоны поправили скатерти, выставили на столах маленькие букетики живых фиалок, зажгли свечи.

На открытой летней площадке ночного клуба сказочно красиво. Берег Днепра, лунная дорожка, перешептываются сверчки, дует легкий прохладный ветерок с причала, где припар-

ковался белый современный катер, который способен занять достойное место на глянцевой обложке модного журнала. И только глупые ночные бабочки, слепо летящие на огонь от свечей, портят идеальную картину романтического вечера.

Первые гости, Роман Громыко вместе с супругой, элегантно одетые, появились на летней площадке. Таня Большая пригласила их пройти к указанному столику. Проходя мимо сонных музыкантов, она сделала вполне конкретный знак, любители джаза восторженились, пора отработывать деньги, гонорар приличный. Официанты поспешили обслужить супружескую пару. Раиса Николаевна Гавкало лично поприветствовала потенциальных учредителей фонда, она осыпала супругу Романа Александровича восхитительными комплиментами, хотя дама сердца ювелирного магната от природы щедро наделена плохим вкусом. Увешанная золотыми украшениями, молодая женщина напоминала новогоднюю елку, ветки которой ломались от золотых украшений с бриллиантами.

Вечер набирал обороты, музыка становилась громкой, официанты забегали быстрее. В «Филин» прибыли Владимир Петрович Сушко с длинноногой спутницей (жену он решил не брать), Олег Валерьевич Томилов с супругой и Геннадий Петрович Сивка, прихвативший свою прекрасную половину. По специальным приглашениям пришли бизнесмены среднего калибра, их задача – выстреливать бурными аплодисментами согласно сценарию, утвержденному лично Чертом. Они, по замыслу Александра Евгеньевича, не просто зрители – они агенты влияния, их задача правильно воспринять информацию о состоявшемся в Задорожье событии, а потом донести бизнес-сообществу и его ближайшему окружению, что господин Чертков: максимум – лидер в регионе, минимум – классный парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.